

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 3 (55)

Москва

2024

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллеруп Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

**2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)**

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Издательство, 2024
© Коллектив авторов, 2024

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 3 (55)

Moscow

2024

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association”
created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.
(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of
Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,
Prof. (Moscow, MGIMO University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar,
Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples’ Friendship University of
Russia named after Patrice Lumumba.

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

© Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Publishing house, 2024

© Authors, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>КНЯЗЕВА Е.Г., СОБОЛЕВА Е.В.</i> Языковые средства реализации информативности в англоязычном публицистическом тексте	7
<i>МУРАШОВА Е.П.</i> Лингвокогнитивная организация коммеморативного дискурса (на материале политических онлайн- текстов)	29
<i>ФИЛЯСОВА Ю.А., ЛУН Х.</i> Медиаобраз концепта <i>высшее образование</i> на материале английского, китайского и русского языков	52
<i>ЧЕШОКОВА О.С., ГОВОРОВА Л.А., УСМАНОВ Т.Ф.</i> Гимн Перу в контексте национальной идентичности перуанцев	72
<i>ПАРШУТИНА Г.А., КАМАЛЕТДИНОВА С.М.</i> Искусственный интеллект глазами студентов вузов: преимущества, опасения и возможные сложности	98

CONTENTS

Scientific articles

<i>KNYAZEVA E.G., SOBOLEVA E.V.</i> Linguistic means of informativeness implementing in an English-language publicistic text	7
<i>MURASHOVA E.P.</i> Linguocognitive grounds of commemorative discourse	29
<i>FILYASOVA YU.A., LONG H.</i> The media image of the <i>higher education</i> concept in the English, Chinese and Russian languages	52
<i>CHESNOKOVA O.S., GOVOROVA L.A., USMANOV T.F.</i> The national anthem of Peru in the context of the national identity of Peruvians	72
<i>PARSHUTINA G.A., KAMALETDINOVA S.M.</i> AI through the eyes of university students: benefits, concerns and possible challenges	98

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81.27

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.01>

Е.Г. Князева,
Е.В. Соболева¹

Военный университет имени князя Александра Невского МО
РФ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Целью исследования, представленного в статье, является анализ публицистического текста, который является значимым феноменом жизни современного человека и общества в целом. Необходимо отметить, что на сегодняшний день его функционирование не ограничивается лишь реализациями в печатных изданиях, как это было еще десять или пятнадцать лет назад. Глобальные возможности средств массовой информации позволяют актуализировать более широкий арсенал достижений современных науки и, конечно же, современных информационно-коммуникационных технологий. Публицистический текст представляет собой сложное образование по природе, как по функциональным качествам, так и по структуре. Одним из главных качеств такого текста становится информативность, которая в работе рассматривается в единстве метатекстовой и коммуникативной ситуаций,

¹ © Князева Е.Г., Соболева Е.В. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Поступление в редакцию 07.07.2024 г.

Принятие к публикации 5.09.2024 г.

включённых в процесс реализации определенных сведений и данных не просто как сообщение о них, но как стремление автора осуществить воздействие на психическую, ментальную и коммуникативную активность реципиента информированием об определённых, концептуально значимых для адресанта (отправителя информации) событиях в нужном ему ключе для продвижения требуемой точки зрения. Исследование языковых средств, реализующих информативность в публицистическом тексте, выявляет особое качество, обуславливающее возможность функционирования информативности, автор определенным образом отбирает языковые средства, опираясь на свои представления, ценности, картину мира, языковой инвентарь, а также на представления, ценности, картину мира воображаемого адресата, который может быть как массовым, так и индивидуальным. Принципиально важной становится роль адресата, поскольку, как говорилось выше, информативность текста не просто повествует о фактах, событиях и прочем, но сообщает о них таким образом, чтобы текст стал информативным, в первую очередь, для реципиента. Поддержание информативности для адресата обеспечивается ценностным детерминированием, т.е. предположением о базовых ценностях читателя при выборе языковых средств, реализующих информативности в публицистическом тексте. Поскольку информативность, как и текст обращены к реципиенту, она реализуется двумя типами языковых средств – рациональными и эмоциональными, т.е. влияющими на рациональную и эмоциональную сферы коммуникативной деятельности адресата и его вовлеченность в информативность текста.

Ключевые слова: публицистический текст, информативность, воздействие, коммуникативная ситуация, языковые средства, автор, адресат

UDC 81.27

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.01>

E.G. Knyazeva,

E.V. Soboleva

**Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the RF**

LINGUISTIC MEANS OF INFORMATIVENESS IMPLEMENTING IN AN ENGLISH-LANGUAGE PUBLICISTIC TEXT

The aim of the research presented in the article is to analyse the publicistic text, which is a significant phenomenon of modern man's life and society as a whole. It should be noted that today its functioning is not limited only to realisations in printed publications, as it was ten or fifteen years ago. Global opportunities of mass media allow actualising a wider arsenal of achievements of modern science and, of course, modern information and communication technologies. A publicistic text is a complex formation by nature, both in its functional qualities and structure. One of the most important qualities of such a text is informativeness, which is considered in this paper in the unity of metatextual and communicative situations, included in the process of realisation of certain information and data not just as a message about them, but as the author's desire to influence the mental, mental and communicative activity of the recipient by informing about certain events conceptually significant for the addressee (sender of information) in the way he needs to promote the required point of view. The study of linguistic means realising informativeness in a journalistic text reveals a special quality that makes it possible for informativeness to function; the author selects linguistic means in a certain way, relying on his own ideas, values, world picture, linguistic inventory, as well as on the ideas, values, world picture of the imaginary addressee, who can be both mass and individual. The role of the addressee becomes fundamentally important, because, as mentioned above, the informativeness of the text does not simply narrate facts, events and other things, but reports them in such a way that the text becomes informative, first of all, for the recipient. Maintaining informativeness for the addressee is ensured by value determinism, i.e. the assumption of the reader's basic values in the choice of linguistic means that realise informativeness in a publicistic text. Since informativeness, as well as the text is addressed to the recipient, it is realised by two types of language means - rational and emotional, i.e. influencing the rational and emotional spheres of the addressee's communicative activity and his involvement in the informativeness of the text.

Keywords: publicistic text, informativeness, influence, communicative situation, linguistic means, author, addressee.

Введение

Современная лингвистическая наука сейчас, как и предыдущие десятилетия, активно занимается изучением природы публицистического текста, закономерностями его функционирования, в связи с этим мы полагаем невозможным обойти стороной феномен информативности как значимое качество такого текста. Исследования информативности публицистического текста позволяют рассматривать значимость самого текста для информационного поля и анализировать качество успешности или неуспешности речевого взаимодействия в аспектах вовлечённости коммуникантов в информационное пространство, в данном случае формируемое как средствами массовой информации, включая печатные и цифровые технологии.

В связи с этим целью нашей работы является выявление языковых особенностей реализации информативности в рамках публицистического текста. Для решения определенных задач в связи с поставленной целью мы будем опираться на компонентный и структурный анализ единиц языка, придерживаться прагматически обусловленного системного-деятельностного анализа речевой коммуникации в сфере публицистики.

Материалы и методы

Информативность является составляющей текста и рассматривается в категориальном аспекте как комплексный феномен, «соотносящийся с содержанием текста, когнитивными структурами хранения научного знания и структурно-смысловой организацией текста. Исходя из этого, реализация категории информативности малоформатного энциклопедического текста может рассматриваться как когнитивно и дискурсивно обусловленная, осуществляющаяся на концептуальном, языковом и формально-содержательном уровнях его осмысления» (Нечепоренко, 2011, с. 10)

Е.В. Сидоров, предлагая изучать информативность как категорию текста, указывает при этом, что каждую отдельно взятую категорию нужно исследовать «в качестве одного из

взаимосвязанных существенных признаков его коммуникативно целесообразной системы» (Сидоров, 1986, с. 431).

С точки зрения теории коммуникации, в своей работе «Лингвистика текста» В.Е. Черняевская, сравнивая текст и дискурс, приходит к выявлению информативности как составляющей текст, имеющей свойства дискурсивности, позволяющей интерпретировать текст не как отдельное образование, но как компоненты метатекстового единства (Черняевская, 2009). Зарубежные исследователи, Р. де Богранд и В. Дресслер называют семь признаков текста (*standarts of textuality*), образующих текст как коммуникативную единицу, выделяя при этом информативность как одну их значимых (Beaugrand, Dressier, 1994).

Принимая во внимание вышеперечисленные подходы, мы солидаризируемся с А.Б. Козловской, полагавшей возможным выявлять и рассматривать информативность в совокупности с другими признаками текста и используя при этом данные смежных наук, например, психологии, теории информации, лингвистики. (Козловская, 2006).

Таким образом, информативность можно рассматривать как:

- 1) деятельностный признак текста по изменению объема знаний у реципиента, что приводит к последующим речевым действиям,
- 2) не абсолютную величину, а способную к изменению, лабильную, способную адекватно быть реализованной языковыми средствами в речевом общении.

Результаты и обсуждение

Сущностные признаки информативности публицистического текста

Пристальное внимание ученых обращено к публицистическому тексту уже с начала 20 века, который отмечен большими изменениями в расстановке политических сил на мировой арене, изменениями в экономических и общественных отношениях в ряде стран, развитием лингвистической науки, выявлением публицистического стиля, уточнением его характеристик. В настоящее время всемирный охват жителей земли паутиной сети Интернет обусловил возможность реализации публицистического текста в дистанционном (виртуальном) общении средствами масс-

медиа, которые обуславливают возможность глобального включения текстов такого типа в различные сферы социовербальной коммуникации.

Феномен текста представляет собой многогранный и многоплановый объект изучения. Поскольку тексту присущи множество значений, функций, видов реализации, постольку однозначно его невозможно ни анализировать, ни интерпретировать, природу данного феномена можно рассматривать только с точки зрения закрепленных в лингвистической науке знаний. Соглашаясь с известным определением И.Р. Гальперина, мы признаем структурную трактовку искомого явления: «Текст представляет собой некое образование, возникшее, существующее и развивающееся в письменном варианте литературного языка. Только в этом варианте расчленённость текста, эксплицитно выраженная графически, выявляется как результат сознательной обработки языкового выражения (Galperin, 1981, с. 15).

В целом признавая письменный характер текста, особенно выделяем его публицистическую разновидность. Однако, принимая во внимание также существование и устной формы речи, считаем необходимым учитывать и следующий факт - текст имеет письменную и устную формы реализации.

С другой стороны, соглашаясь вслед за И.Р. Гальпериным в возможности развития текста лишь в литературном варианте, мы имеем неосторожность не заметить всего речетворческого процесса по созданию текстовых конструкций в различных коммуникативных ситуациях. При исследовании публицистического текста важным для нас является трактовка Ильи Романовичем письменного варианта, тем не менее многим известно, что пути и способы развития публицистического текста обладают особенной спецификой: с одной стороны, в своей основе такой текст строится на базе литературного языка, с другой – этот феномен в процессе развития осваивает характерные языковые и стилистические черты, иногда отдаляющие его от литературной нормы.

Интерпретация классика отечественной лингвистики весома и важна для развития лингвистической науки. Продолжая изучать природу и закономерности существования текста в рамках

человеческого общения, мы не вправе обойти вниманием исследования Н.С. Болотновой. Так учёная полагает, что текст представляет собой лингвистически репрезентированную информацию автора, «и является объектом познавательной деятельности читателя» (Болотнова, 2004, с. 168). Данное рассуждение имеет антропоцентрический характер: связывая текст с его создателем, обращается и к адресату. Это обусловлено представленным взглядом на текст как на предполагаемую речемыслительную деятельность участников дискурса по производству и восприятию вербальных произведений. При этом, как следует из монографии Н.С. Болотновой «Филологический анализ текста», возникает необходимость в выделении лингвистического и экстралингвистического аспектов при анализе и характеристике текста, особенно если речь идёт о выявлении такого его свойства, как информативность.

Применительно к нашему исследованию, представим анализ текста с учетом граней рассмотрения. Лингвистический аспект является одним из уровней реализации информативности. Данный спектр может являть собой как собственно реализацию личных смыслов автора, так и предположение и предвосхищение личных смыслов читателя\читателей, что важно для создания и интерпретации текста. Трактовка текста и его информативности с учётом реализации языковых форм даёт возможность лингвистического исследования. Данная процедура позволяет определить, насколько в тексте осуществляется вербализация информативности. По всей видимости, исследование лишь языковых знаков, которые материализуют информативность, знаменуют собой ту информативность, которую представляет возможной для обозначения автор. Однако возможное выявление и интерпретация этого признака читателем не позволяют в полной мере обозначить границы информативности, поскольку представления об информативности у составителя текста и получателя могут не совпадать.

Процедура привлечения к лингвистическому анализу имеющихся данных в контексте корреляции с экстралингвистическим содержанием может обеспечить процесс исследования текста более точными сведениями. При этом следует отметить, что экстралингвистические сведения могут, с одной

стороны, более точно снабдить исследование деталями, также дополняя его, с другой стороны, наоборот, сузить представление информативных сведений в рамках одного или нескольких компонентов. Особенно наглядно это проявляется на материале публицистических текстов.

Например: *A plane carrying a group of parachute jumpers crashed in the Russian region of Tatarstan on Sunday, killing a group of parachute jumpers the Emergencies Ministry said. The aircraft, which came down near the city of Menzelinsky, had been carrying 20 parachutists and two crew members. Six people were in a serious condition, the Health Ministry said..... one of the engines could have failed.* (The CNN News 19.06.2024). (Самолёт, на борту которого находилась группа парашютистов, разбился в воскресенье в Татарстане. В результате чего погибли 16 человек и 6 получили ранения, сообщили в МЧС. На борту воздушного судна, которое упало недалеко от города Мензелинский, находились 20 парашютистов и 2 члена экипажа. По данным министерства здравоохранения, 6 человек находятся в тяжёлом состоянии. возможно, отказал один из двигателей) - С лингвистической точки зрения, данный текст представлен веерным разнообразием средств: общие и конкретные существительные (*plane, people, parachutists and crew members\ a group of parachute jumpers, the aircraft, in a serious condition*); в небольшом отрывке мы наблюдаем достаточно частое использование имён собственных, среди которых топонимы и названия министерств (*the Russian region of Tatarstan, the city of Menzelinsky, the Emergencies Ministry, the city of Menzelinsky*). Информативность текста усиливают присутствующие в тексте числительные (*20 parachutists and two crew members, Six people*) и соотнесение изложения фактов со временем (*on Sunday*).

На первый взгляд, чёткое и ясное изложение событий предоставляет читателю достаточное количество информации, из чего можно сделать вывод о том, что текст является не просто достаточно, а исчерпывающе информативным. Однако, принимая во внимание экстралингвистический аспект информативности, мы не можем в полной мере выяснить, почему упал самолёт, следовательно, причинный компонент информативности остаётся для читателя недостаточно и не в полной мере проясненным. В тексте есть лишь следующие сведения: *one of the engines could have*

failed (возможно, отказал один из двигателей). Можно ли считать их достаточными? Ответить на вопрос однозначно невозможно, поскольку автор представляет лишь свои предположения. Очевидно, что он не обладает всеми необходимыми данными либо сознательно их умалчивает, имплицитно представляя читателю не всю информацию. Приходится полагать, что целью автора является сокрытие данных либо причин произошедшей трагедии.

Лингвистические способы и приёмы представления информативности разнообразны – от лексических и грамматических средств до применения средств стилистики. Автор публицистического текста осознанно подходит к их выбору при создании информативного текста, в таком тексте тщательно отобранные вербальные знаки, коррелируя с определёнными экстралингвистическими факторами, прежде всего служат замыслу составителя текста, который решает вопрос, какой информативностью будет обладать текст, исходя от того, какому реципиенту будет служить.

Переходя от рассуждений о тексте к анализу его важнейших свойств, считаем необходимым обратить внимание на следующие моменты. Н.С. Болотнова для рассмотрения информативности в тексте прибегает в следующей логике рассуждения: «к информативно-смысловому уровню относятся: тематический, предметно-логический (денотативный) и сюжетно-композиционный». В рамках нашего исследования структурные уровни рассмотрения информативности представляют определенный интерес; считаем достаточно обоснованным выделение тематического уровня при исследовании информативности текста, особенно это важно для анализа информативности публицистического текста.

Тематический уровень представляет следующий аспект информативности, функционально тема включает главную информацию, которая реализуется в тексте. Например, тема текста статьи, приведенной выше, следующая «*Russian plane carrying parachutists crashes, 16 killed*» (*Разбился российский самолёт с парашютистами на борту, 16 человек погибли*). На самом деле, известно, что публицистические тексты составляются в прямом и чётком соответствии с темой. В приведённом примере тема статьи

весьма информативно представляет сведения, которые раскрывается согласно замыслу автора.

Следующий уровень информативности, выделенный Н.С. Болотновой, предметно-логический. Можно рассматривать этот аспект как представляющую собой предметную информативность, при этом логика изложения сообщений или фактов о том или другом предмете также принимается во внимание. На самом деле, соотнесённость с предметом, предметным полем имеет большое значение для реализации информативности, при этом логика построения текста особенно важна в рамках подготовки автором убеждающих речей, аргументативных текстов.

Сюжетно-композиционный уровень, по нашему мнению, с трудом можно назвать относящимся к информативному, поскольку информативность по большей степени связывается с её воплощением в речевых реализациях различных коммуникативных ситуаций. Поскольку наше внимание сосредоточено на рассмотрении текстов публицистического стиля, композиция каждого такого текста заранее определена, и автор реализует информативный замысел, исходя из сложившихся норм стиля. В связи с этим сюжетно-композиционный уровень может всё же играть второстепенную роль, мало значимую при анализе информативности как признака текста.

Исследование реализации информативности в публицистическом тексте необходимым образом обусловило обращение к значимым трудам современной лингвистики, в связи с чем текст рассматривается как коммуникативный феномен, а информативность как признак текста, коммуникативного по природе. В трудах профессора Е.В. Сидорова, известного учёного-коммуникативиста, представлены современные, системные и исчерпывающие трактовки текста и информативности. Исследуя информативность публицистического текста, мы считаем необходимым обратиться к рассуждениям и результатам исследований учёного.

Коммуникативно-деятельностный подход к исследованию дискурса и текста позволил рассмотреть публицистический текст как центральный компонент публицистического дискурса, в связи с этим принимаем во внимание коммуникативно-деятельностное определение текста как центрального компонента речевого

общения, данным профессором Е.В. Сидоровым: «Текст есть знаковая модель сопряжения коммуникативных деятельностей говорящего и реципиента сообщения как адресата текста» (Сидоров, 2010, с. 166).

Данное определение имеет общий характер и при исследовании текстов определённых видов и жанров нуждается в дополнительных уточнениях. Совершенно очевидно, что в свете изучения текста, относящегося к публицистическому дискурсу, публицистическим текстом мы можем назвать модель сопряжения коммуникативных деятельностей автора текста (авторов) и адресата (читателя\читателей), соотносящую в себе оба этих вида деятельности в коммуникативном пространстве публицистики средствами масс-медиа.

Поскольку по типу и функциям публицистические тексты чаще могут быть письменными, нежели устными, автор призван создать такой, который служил бы основной цели, формируемой нами как осуществление одной из своих главнейших прагматических функций – информирование адресата такими сведениями и данными, которые ценны и актуальны, в первую очередь, для автора, однако во вторую – для реципиента.

Т.А. ван Дейк поясняет, что «к этому исходному тексту относятся не только события или действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более «ранних» состояний и событий» (Дейк, 1989, с. 210). Границы информативности, её насыщенность событиями, действиями, имевшими место как до процесса создания текста, так и непосредственно в самом процессе его написания определяет не только сам автор. Публицистический текст как результат и процесс публицистического дискурса создаётся по заданию редакции, его предметное поле может расширяться либо оставаться неизменным в заданных пределах (Малюга, 2008). Автор реализует информативность исходя из этих важных аспектов, хотя есть ещё и ряд других, которые, согласно рассуждениям Е.М. Скурко, являются наиболее важными: «на первое место в информации публицистического текста выдвигается не то, что передаётся в сообщении, а то, что воспринимается аудиторией, т.е. её прагматический аспект» (Скурко, 2022).

Поскольку публицистический текст, как и всякий другой, имеет адресата, отметим существенную особенность данного феномена. Адресат (реципиент) такого текста имеет характерные коммуникативные особенности, коррелирующие с коммуникативными ситуациями публицистического дискурса, в связи с чем зачастую может быть либо ожидаем и предполагаем либо придуман и домыслен. Как считают Н.А. Сидорова и Е.В. Курочкина, внимание к реципиенту, который «находится в нереальных или вымышленных мирах, ... предлагают условия интернет – коммуникации» и коммуникативной публицистической реальности вообще (Сидорова, Курочкина, 2021, с. 8).

Как отмечается в коллективной монографии «Мировые языки и культуры как объект филологического исследования» информативность современного публицистического текста в значительной степени повышается в современных условиях, когда господство интернета и его коммуникативных сервисов, таких как, блоги, социальные сети, чаты и мессенджеры, способствует подаче информации в таком виде, что ее потребителю – пользователю сервисов интернета – нет необходимости осуществлять процедуры по ее анализу и синтезу, т.к. она подается в практически готовом виде (Александрова, Ахренова и др., 2023, с. 143-167; Гришечко, 2021; Malyuga, Akopova, 2021). Согласно мнению, Н.А. Ахреновой, современный пользователь, приученный к потреблению информации в готовом виде, не стремится к глубокому исследованию полученных фактов, как правило принимает их на веру (Akhrenova, 2023). Этому в значительной степени способствует выделяемые нами лексико-семантические, грамматические маркеры современного публицистического текста, а также его лингвопрагматические характеристики.

Таким образом, информативность становится важнейшим признаком публицистического текста, выделяя который, Т.А. ван Дейк считает необходимыми соотносить «события/действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом,.... но и в отношении более «ранних» состояний и событий» (Дейк, 1989, с. 210). В связи с этим, а также с учётом вышеприведённых рассуждений мы позволим себе рассматривать информативность публицистического текста в рамках единства всей метатекстовой и коммуникативной ситуаций как включённых в процесс реализации

определенных сведений не просто как сообщения о них, но как прагматическое стремление автора осуществить воздействие на психическую, ментальную и коммуникативную активность реципиента определенным информированием о событиях. Другими словами, информативность публицистического текста представляет собой коммуникативный и прагматический феномен, знаменующий собой важнейший признак публицистического текста.

Лингвопрагматический анализ реализации информативности публицистического текста

Рассуждения об информативности как существенном свойстве текста привели нас к исследованию не только коммуникативного компонента исходного феномена, но и к прямому указанию на её прагматическую составляющую. Прагматика в своей основе имеет дело с реализациями знаков языка в зависимости от целей, вкусов, ценностных предпочтений участников речевого общения. Прагматика информативности, по всей видимости, заключается в умении автора сопрягать в публицистическом тексте, обладающем информативностью, коммуникативные деятельности автора и адресата (массово по преимуществу).

Здесь и далее мы трактуем прагматику информативности, основываясь на системно-деятельностном подходе, разработанном Е.В. Сидоровым применительно к исследованию текста и дискурса. Мы полагаем, что автор публицистического текста сопрягает коммуникативные деятельности постольку, поскольку обладает такими коммуникативными возможностями. Е.Ф. Тарасов, указывая на особенности речевой коммуникации, назвал этот феномен единством сотrudничающих личностей. На самом же деле такое единство осуществляется благодаря и с помощью текста. Именно текст либо гармонизирует коммуникацию либо приводит её к распаду, именно с помощью текста участники речевого общения реализуют свои прагматические цели и задачи. Одной из важнейших задач автора публицистического текста заключается в том, как мы указывали выше, так информативно создать текст, чтобы максимально воздействовать на читателя. Это функция автора коррелирует с той, которая позволяет ему воздействовать, т.е. управлять коммуникативным и посткоммуникативным поведением реципиента, например, позволить какому-то читателю или группе читателей прочитать информативный текст,

интерпретировать его желательно по той когнитивной модели, которую представил автор.

Регулирование действиями адресата публицистического текста могут простирается и дальше – на речевые и постречевые и даже посткоммуникативные действия, например, создание группы единомышленников при обсуждении некоторых фактов современности либо, наоборот, несогласных или несочувствующих определенным действиям, о которых сообщают данные, факты и прочее. Деятельность адресата после прочтения и интерпретации публицистического текста в большой степени есть результат регулятивной коммуникативной активности автора.

Однако нельзя преуменьшать здесь и роль читателя, поскольку в определенный момент он и сам может стать автором, и тогда первому создателю текста, по словам Р.Барта, может даже грозить смерть. Именно о такой прагматике коммуникативных действий автора и читателя писал Р. Барт в эссе «Смерть автора»: «Хотя власть Автора всё ещё очень сильна, несомненно и то, что некоторые писатели уже давно пытались её поколебать. рождение читателя приходится оплачивать смертью автора» (Барт, 1994, с. 384, 391). Сильные и многогранные эмоции, множество размышлений и интерпретаций читателя – вот в чём смысл и результат воздействия текста, таковы последствия реализации регулятивной функции авторского текста.

Рассматривая прагматический эффект информативности публицистического текста, очевидно, что самостоятельные действия читателя, к которым он пришёл под воздействием регулятивных коммуникативных действий автора есть не что иное, как регулирование читателем, пусть даже такое действие в некоторых случаях может обернуться смертью автора. В силу особенных черт публицистического дискурса автор публицистического текста обычно присутствует незримо, имплицитно, в связи с этим для читателя смерть автора может быть принята коммуникативно, как естественный коммуникативный процесс. Несмотря на взаимоотношения между создателем текста и его реципиентом прагматика информативности текста регулирует действия читателя различными способами воздействия, как эксплицитными, так и имплицитными.

Как указывает Ю.В. Шемелина, в некоторых британских газетах, таких как «The Daily Telegraph» и «The Guardian», «структура новостного формата в печатной прессе отвечает принципу максимального удобства для читателей ("reader-friendly"). Сводка наиболее значительных сообщений в сжатом виде представлена на первой странице, а далее новости распределены по основным тематическим рубрикам (мировые новости, новости спорта, бизнеса). Длина новостного текста колеблется в пределах 200-500 слов. Большинство новостных текстов созданы по принципу перевернутой пирамиды» (Шемелина, 2008, с. 121).

Например, *A third of 14-year-olds in England are failing to reach expected levels in English, maths and science as school standards continue to fall well short of official targets, it was revealed yesterday* (The Guardian 15.06.2024) (*Вчера стало известно, что треть 14-летних детей в Англии не достигают ожидаемого уровня владения английским языком, математикой и естественными науками, поскольку школьные стандарты по-прежнему значительно отстают от официальных показателей*) – в данном отрывке текста содержится информация о качестве обучения в Англии, в которой представлены сведения о таких аспектах, как *failing to reach expected levels in English, maths and science, school standards continue to fall*. Данные являются, по мнению автора, весьма значимыми для информирования реципиента, являющимся, на самом деле, массовым читателем. Другими словами, информативность анализируемого текста связана с ценностно осознаваемой автором необходимостью не просто проинформировать читателя о проблемах английской образовательной системы, но попытаться воздействовать на его ментальные, когнитивные структуры и коммуникативную деятельность по восприятию и интерпретации информативности текста определённым образом, предположительно, вселить недоверие и отрицательные коннотации к системе образования в Англии.

Прагматически анализируя информативность текста в приведённом примере, стоит обратить внимание на лингвистический аспект: базовым компонентом для анализа языковых структур является отрицательное оценочное значение, связанное с отрицательной семантикой по поводу фактического положения дел в английском образовании. Для этой цели автор

текста использует определенные лексико-грамматические средства: используются точные фактические данные (*A third of 14-year-olds*), лексика с негативной коннотацией (*failing to reach expected levels in English*), (*school standards continue to fall well short of official targets*). Синтаксис в приведенном отрывке представляет собой пассивную модель, которая имеет цель проинформировать читателя без указания на источник информирования (*it was revealed yesterday*). Очевидно, автор прибегает к такому приёму не случайно, а осознанно, пытаясь сохранить тайну об издательстве, вызывает этим активный интерес читателя к сведениям, содержащимся в статье.

Языковые особенности реализации информативности публицистического текста

В связи с тем, что «цифровое пространство накладывает дополнительные специфические модусы на конкретную коммуникативную ситуацию» (Пильгун, 2019, с. 105), информативность в английских публицистических текстах может иметь некоторые языковые особенности. В процессе создания публицистического текста автор уже на этапе предварительного отбора объективных фактов сталкивается с проблемой субъективной обработки. Опираясь на факты действительности и создавая своё максимально документализированное представление о картине мира, автор не придумывает события, ситуации, поступки, тексты диалогов, а «достраивает, домысливает» то, что ему неизвестно. В ходе интерпретации объективной реальности, опираясь на свои представления, ценности, картину мира, языковой инвентарь, автор создаёт публицистический текст, обладающий определенной информативностью, реализованной отобранными языковыми средствами. В этой связи мы вполне соглашаемся с О.Ф. Ахметгареевой и Н.А. Сидоровой, указывающими, что «все важные социально-политические события в жизни общества в целом активно освещаются в СМИ и глобальной сети интернет, общественное мнение формируется и наполняется идеологической составляющей в соответствии с доминирующими ценностями, детерминирующими СМИ» (Ахметгареева, Сидорова, 2022, с. 60). Данный взгляд учёных отсылает нас к утверждению детерминирования ценностного компонента при выборе языковых средств реализации информативности в публицистическом тексте.

Автор такого текста, представляя определенную информацию, стремится оказать прагматическое влияние на читателя, при этом актуализирует её не только рациональным способом, широко используя образный строй повествования, но и с помощью эмоционального воздействия на адресата. Таким образом, составитель такого текста стремится не только заслужить доверие читателей, но и добиться, чтобы к нему прислушались, приняли его ценности, взгляды, аргументы и его мнение. Например,

The investment in overseas students and the UK-India Education and Research Initiative - a project to make Britain the "partner of choice" - will be £27 million over the next two years, but £7 million will be spent directly on attracting overseas students (The Daily Telegraph 19.04.2024). (Инвестиции в иностранных студентов и Британско-индийскую образовательную и исследовательскую инициативу - проект, направленный на то, чтобы сделать Великобританию "предпочтительным партнером", составят 27 миллионов фунтов стерлингов в течение следующих двух лет, при этом 7 миллионов фунтов стерлингов будут потрачены непосредственно на привлечение иностранных студентов) – информативность данного текста, как следует из анализа, складывается из прагматически обусловленных языковых факторов. Прагматика принятия мнения, точки зрения автора, его ценностей, взглядов, аргументов становится возможной лишь при тщательном привлечении языковых средств, отбор которых будет способствовать наиболее эффективному осуществлению целей и задач, поставленных автором. Рациональный компонент информативности обеспечивается широтой использования реалий: *the UK-India Education and Research Initiative, Britain*, употреблением достаточного количества имён числительных: *will be £27 million over the next two years, £7 million will be spent directly*, фактические данные: *The investment in overseas students and the UK-India Education and Research Initiative*. Однако автор не забывает об эмоциональной стороне воздействующей силы информативности текста и прибегает к метафоре "*partner of choice*", в которой содержится когнитивная информация текста о предпочтительном партнере. Таким партнёром, информирует автор текста, является *Britain*. Синтаксис данного текста также имплицитно служит цели эмоционального воздействия на реципиента – используется

активная конструкция с явным указателем деятеля: *The investment will be £27 million over the next two years*, что может укрепить веру в автора текста. Обратим внимание, что активная синтаксическая конструкция является в тексте первой, она обращает на себя первостепенное внимание читателя, внимание которого в данном случае может ускользнуть от пассива следующей конструкции: *but £7 million will be spent directly on attracting overseas students*. Пассивная синтаксическая конструкция использована автором не случайно, поскольку позволяет информировать лишь отчасти или скрывать информацию о том, кто на самом деле и когда будет тратить миллионы фунтов стерлингов на привлечение иностранных студентов. Использование определенной последовательности следования синтаксических конструкций позволяет, не уклоняясь от представления информации, использовать тактику переключения референта, имплицитно реализующую ценностные предпочтения составителя данного текста. Таким образом, как следует из анализа языковых средств, обеспечивающих информативность, они представляют собой две группы – рациональные языковые средства и эмоциональные языковые средства, которые сообразно выполняемым функциям обеспечивают воздействие на рациональную и эмоциональную сферы читателя публицистического текста.

Выводы

Следует отметить, что динамика информативности публицистических текстов формируется под непрерывным воздействием ценностей, концептов, смыслов участников публицистического речевого общения, обеспечивая координационное сопряжение в публицистическом тексте, а также под влиянием среды, в которую текст помещается автором. При этом адресант публицистического текста, для того чтобы добиться информирования адресата, рассматривает последнего в ракурсе своих возможных представлений, ценностей и картины мира. Во всяком случае, информация адресуется как массовому адресату, так и воображаемому читателю, и поэтому отбор языковых средств крайне важен.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что информативность публицистического текста может быть ключевой точкой сопряжения коммуникативных деятельностей автора и

читателя в развивающейся информационной среде их социально-вербального взаимодействия. Языковые средства публицистического текста есть не только средства, отобранные адресантом для адресата, – они выполняют важную функцию информирования при установлении и сохранении интерактивности речевой коммуникации в публицистической сфере, а также с целью усиления воздействующего эффекта на целевого адресата, индивидуального или коллективного. Именно лингвистически точно оформленная информативность позволяет ожидать коммуникативно ответного шага от читателя, прогнозировать его дальнейшие речевые и неречевые действия.

Литература

1. Ахметгареева О.Ф., Сидорова Н.А. Специфика реализации ценностного компонента конфликтного политического дискурса // Военно-филологический журнал. – М.: ВУ. – 2022. №2. – С. 59–72.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. – 1994. – С. 384–391.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – Москва: ФЛИНТА, 2016.
4. Гришечко Е.Г. Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском языке: разноуровневые средства реализации: монография. – М.: Российский университет дружбы народов, 2021. – 189 с. EDN: EHERPQ
5. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
6. Козловская А.Б. Информативность как основная категория газетных сообщений // Вістник СумДУ. – 2006. – № 11 (95). – Т.1. – С. 40–47.
7. Малюга Е.Н. К вопросу о жанрово-стилевой парадигме газетного текста // Вестник университета российской академии образования. – 2008. – № 2. – С. 68–71. EDN: NRABFN
8. Мировые языки и культуры как объект филологического исследования / О. В. Александрова, Н. А. Ахренова, М. Г. Бахтиозина [и др.]. – Москва: "ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА", 2023.

9. Нечепоренко Н.М. Категория информативности в малоформатном научном тексте энциклопедического характера: когнитивный и дискурсивный аспекты: на материале английских и русских лингвистических энциклопедий: автореферат дисс.к. филол.н. Тамбов. 2011.
10. Пильгун М.А. Трансформация семантических представлений и лексических ассоциаций: понятие «власть» // Филология и культура. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет. – 2019. – №4 (58). – С. 100 – 107.
11. Сидоров Е.В. Коммуникативный принцип исследования текста // Известия АН СССР. Сер. Лит и язык. – М.: АН СССР. – 1986. – Т.45. – №5. – С. 425 – 432.
12. Сидоров Е.В. Общая теория речевой коммуникации. – М.: Изд-во РГСУ, 2010.
13. Сидорова Н.А., Курочкина Е.В. Возможности реализации языковой личности в системе политической коммуникации // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. – М.: НОПриЛ. – 2021. – № 1 (3). – С. 7 - 14.
14. Скурко Е.М. Особенности информативности текстов публицистического стиля // Культура и безопасность. – 2022. №4. – С. 55-62.
15. Черняевская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: Либроком, 2009.
16. Шемелина Ю.В. Лингвокогнитивные аспекты английских новостных текстов: на материале британской качественной прессы: дис. на соиск. учен. степ. кандид. филол. наук. Архангельск, 2008.
17. Akhrenova N. A., Zaripov R. I. Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2023. – Vol. 14. – No. 3. P. 801-817. DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817.
18. Beaugrand R., Dressier W. Introduction to Text Linguistics. – London: Longman, 1994.
19. Galperin I.R. Stylistics: учебное пособие для студентов ин-в и фак-в ин. языков. – Moscow: Vyssaia skola, 1981.

20. Malyuga E.N., Akopova A.S. Precedence-setting tokens: issues of classification and functional attribution // *Training, Language and Culture*. – 2021. – № 5(4). – P. 65–76. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76
21. The Daily Telegraph. – URL: <https://downmagaz.net/newspapers/396658-the-daily-telegraph-18042024.html>
22. The Guardian. – URL: <https://downmagaz.net/newspapers/401949-the-guardian-15062024.html>

References

- Akhmetgareeva, O.F., & Sidorova, N.A. (2022). Specifica realizatsii tsennostnogo komponenta konfliktnogo politicheskogo diskursa [The specifics of the implementation of the value component of conflict political discourse]. *Vojenno-filologicheskij zhurnal [Military Philological Journal]*, 2, 59 – 72. (in Russian).
- Akhrenova, N.A., & Zaripov, R.I. (2023). Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 801-817. DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817.
- Aleksandrova, O.V., Ahrenova N.A., & Bahtiozina M.G. (2023). *Mirovye yazyki i kul'tury kak ob"ekt filologicheskogo issledovaniya [World languages and cultures as an object of philological research]*. Moscow: "NAUKA", 2023. (in Russian).
- Bart, P. (1994). Smert' avtora [Death of the Author]. In *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]*, (p. 384 – 391). Moscow, Progress. (in Russian).
- Beaugrand, R., & Dressier, W. (1994). *Introduction to Text Linguistics*. London: Longman.
- Bolotnova, N.S. (2016). *Filologicheskij analiz teksta [Philological analysis of the text]*. Moscow: Flinta. (in Russian).
- Dejk, T.A. van J. (1989). *Poznanije. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication]*. Moscow: Progress. (in Russian).
- Galperin, I.R. (1981). *Stylistics*. Moscow: Vyssaia skola.
- Grishechko, E. G. (2021). *Communicative strategy of politeness in modern English: Multi-level means of implementation*. RUDN University. EDN: EHERPQ
- Kozlovskaia, A.B. (2006). Informativnost' kak osnovnaja kategorija gazetnyh soobshhenij [Informativeness as the main category of

- newspaper messages]. *Vistnik of SumDU [The Bulletin of Sumy State University]*, 11 (95), 40-47. (in Russian).
- Malyuga, E. N. (2008). A newspaper text: genre and style paradigm in English interrogative sentences. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2, 68-71. EDN: NRABFN
- Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture*, 5(4), 65–76. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76
- Necheporenko, N.M. (2011). *Kategorija informativnosti v maloformatnom nauchnom tekste enciklopedicheskogo kharaktera: kognitivnyj i discursivnyj aspekt: na materiale anglijskih i russkih lingvisticheskikh enciklopedij [The category of informativeness in a small-format scientific text of an encyclopedic nature: cognitive and discursive aspects: based on the material of English and Russian linguistic encyclopedias]*. (Candidate thesis abstract, Russia, Tambov: Derzhavin Tambov State University). (in Russian).
- Pil'gun, M.A. (2019). Transformacija semanticheskikh predstavlenij i leksicheskikh asociacij: ponjatije "vlast'" [Transformation of semantic representations and word associations: the concept of "power"]. *Filologia i kul'tura. [Philology and Culture]*, 4(58), 100 – 107. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-100-107 (in Russian).
- Sidorov, E.V. (1986). Kommunikativnyi princip issledivanija teksta [Communicative principle of text research]. *Izvestija AN SSSR. Ser. Lit. i jazyk. [Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Ser. Lit and language]*, 45 (5), 425 – 432. (in Russian).
- Sidorov, E.V. (2010). *Obshhaja teorija rechevoj kommunikacii [General theory of speech communication]*. Moscow: Izd – vo RGSU. (in Russian).
- Sidorova, N.A., & Kurochkina E.V. (2021). Vozmozhnosti realizacii jazykovoj lichnosti v sisteme politicheskij kommunikacii [Possibilities of linguistic personality realization in the system of political communication]. *Ichjonyje zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics]*, 1 (3), 7 - 14. (in Russian).
- Skurco, E.M. (2022). Osobennosti informativnosti tekstov publitsisticheskogo stilija [Peculiarities of publicistic texts

- informativeness]. *Kul'tura i bezopasnost' [Culture and Safety]*, 4, 55-62. DOI 10.25257/KB.2022.4.55-62 (in Russian).
- Chernjajevskaja, V.E. (2009). *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: polycode, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow: Librocom. (in Russian).
- Shemelina, Ju.V. (2008). *Lingvokognitivnyje aspekty anglijskih novostnyh tekstov: na materiale britanskoj kachesnvennoj pressy [Linguistic and cognitive aspects of English news texts: based on the material of the British quality press]*. (Candidate thesis, Archangelsk: Belgorod State University). (in Russian).
- The Daily Telegraph. (2024). Retrieved from: <https://downmagaz.net/newspapers/396658-the-daily-telegraph-18042024.html>
- The Guardian. (2024). Retrieved from: <https://downmagaz.net/newspapers/401949-the-guardian-15062024.html>

УДК 811.111/81'42

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.02>

Е.П. Мурашова²

Московский государственный лингвистический университет,
Московский энергетический институт

**ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
КОММЕМОРАТИВНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-ТЕКСТОВ)**

Статья посвящена лингвокогнитивным аспектам коммеморативного дискурса. Под коммеморативным дискурсом в настоящем исследовании понимается совокупность опосредованных языком социальных практик сохранения, продвижения и передачи наследия прошлого. Актуальность

² © Мурашова Е.П. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Поступление в редакцию 20.06.2024 г.

Принятие к публикации 5.09.2024 г.

работы обусловлена необходимостью расширить представление о коммеморативном дискурсе как объекте лингвокогнитивного исследования. Цель статьи – выявить и описать способы вербализации лингвокогнитивных оснований англоязычного коммеморативного дискурса. Материалом исследования выступают 570 англоязычных малоформатных онлайн-текстов, опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками с 2018 по 2024 гг. Помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез, описание и др.) в работе применялись некоторые типы анализа языковых явлений (концептуальный, категориальный, контекстуальный анализ, анализ дискурса), а также приемы отбора и систематизации эмпирического материала (сплошная выборка, фиксация языковых явлений). В результате анализа материала выделены основные типы знания, репрезентируемые в англоязычном коммеморативном дискурсе, – языковое, интуитивное и научное, и описаны средства их вербализации. Выявлены базовые лингвокогнитивные механизмы смыслообразования, с помощью которых реализуется (пере)осмысление прошлого в англоязычном коммеморативном дискурсе. Центральное место среди них занимает когнитивная иллюзия, которая, в свою очередь, обслуживается такими частными механизмами, как слияние, аналогия, реификация (овеществление), реконтекстуализация, профилирование, перспективизация, точка обзора, субъективизация и интерсубъективизация.

Ключевые слова: коммеморативный дискурс, лингвокогнитивные механизмы, формат знания, ретроактивность, когнитивная иллюзия, реификация, реконтекстуализация

UDC 811.111/81'42

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.02>

E.P. Murashova

Moscow State Linguistic University,
Moscow Power Engineering Institute

LINGUOCOGNITIVE GROUNDS OF COMMEMORATIVE DISCOURSE (AN ANALYSIS OF ONLINE POLITICAL TEXTS)

The article deals with the linguocognitive aspects of commemorative discourse. Commemorative discourse is understood here as a combination of language-mediated social practices of preservation, promotion and transfer of the heritage of the past. The topicality of the present paper is determined by the need to expand the knowledge of commemorative discourse as an object of linguocognitive study. The aim of the article is to reveal and describe the ways of verbalizing the linguocognitive grounds of English-language commemorative discourse. The material is 570 English-language small-format texts published online by British, American, and Canadian politicians from 2018 till 2024. The research was conducted with general scientific methods (analysis, synthesis, description, etc.), types of analyzing language phenomena (conceptual, categorial, contextual analysis, discourse analysis) and techniques of material selection and systematization (continuous sampling, fixation of language phenomena). Having analyzed the empirical material, the author finds the principal types of knowledge represented in English-language commemorative discourse – language, intuitive, and scientific, and describes means of their verbalization. The basic linguocognitive mechanisms of meaning-making, which facilitate (re)interpretation of the past, get revealed, cognitive illusion being the most prominent of them. Cognitive illusion is serviced by mechanisms like fusion, analogy, reification, recontextualization, grounding, perspectivization, vantage point, subjectivization, and intersubjectivization.

Keywords: commemorative discourse, linguocognitive mechanisms, knowledge format, retroactivity, cognitive illusion, reification, recontextualization

Введение

Одним из главных внутриполитических вызовов современности является разработка стратегий и практик сплочения общества в условиях кризиса социокультурной идентичности и усиления идеологического противоборства в информационной сфере. В качестве универсальной дискурсивной практики, позволяющей

консолидировать общество в разных социальных контекстах, следует особо выделить коммеморацию.

В наиболее общем виде коммеморация представляет собой полимодальную семиотическую практику, направленную на памятование (вызывание в памяти) определенного прочтения прошлого в формате ритуализованного публичного мероприятия (парад, возложение венка, открытие мемориала и др.) (Reisigl, 2018, с. 368). В зависимости от социального контекста и частных мотивов акторов коммеморация может выполнять различные функции. Так, в политической сфере доминирующей функцией коммеморации, как правило, выступает интеграция людей на основе памяти о прошлом. Сопутствующими функциями могут быть создание и поддержание имиджа политика, сплочение против общего врага, аргументация, убеждение и/или манипуляция.

В настоящей статье мы оперируем понятием «коммеморативный дискурс», поскольку коммеморация имеет ярко выраженное дискурсивное измерение и знаниевый компонент: она осуществляет дискурсивное конструирование социальной реальности на основе коллективной памяти – знания о прошлом, формируемого и воспроизводимого данным обществом и разделяемого его членами вне зависимости от их социально-демографических признаков (Хальбвакс, 2007).

Несмотря на значительный интерес к прошлому и к феномену памяти в различных науках гуманитарного цикла (философии, культурологии, социологии, политологии, истории, психологии, семиотики), еще не было выработано общепризнанного определения термина «коммеморативный дискурс». В настоящей работе мы предлагаем следующее толкование, на наш взгляд, отражающее социально-психологическую природу и многофункциональность рассматриваемого явления: коммеморативный дискурс – это совокупность опосредованных языком социальных практик сохранения, продвижения и передачи наследия прошлого.

В лингвистике изучение коммеморативного дискурса носит фрагментарный характер и в основном проводится в русле когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического направлений с применением междисциплинарного подхода. В когнитивной лингвистике основное внимание уделяется

объяснению феномена памяти с отсылкой к достижениям психолингвистики (Кубрякова, 2012). Ряд работ посвящен дискурсивному анализу коммеморативных сообщений с целью выявления стратегий и средств конструирования прошлого или определенного отношения к прошлому, например, патриотизма (Ребрина, Чубай, 2019), или моделей и механизмов трансфера знания о прошлом (Беседина, Буркова, 2023; Петросян, Гришечко, 2019; Акорова, 2023). В рамках лингвокультурологии, как правило, изучается специфика репрезентации прошлого в национальной языковой картине мира (Таскаева, 2021; Храмченко, 2010; Малюга, 2011).

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью расширить представление о коммеморативном дискурсе как объекте лингвокогнитивного исследования. Описание концептосферы и лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе коммеморативного дискурса, как нам представляется, позволит найти решение практических проблем сохранения и передачи наследия прошлого.

Цель настоящей статьи – выявить и описать способы вербализации лингвокогнитивных оснований англоязычного коммеморативного дискурса. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: 1) рассмотреть особенности смыслообразования в англоязычном коммеморативном дискурсе с применением понятия «формат знания»; 2) выявить типы знания, репрезентируемые в англоязычном коммеморативном дискурсе; 3) определить и описать базовые лингвокогнитивные механизмы смыслообразования в англоязычном коммеморативном дискурсе.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 570 малоформатных текстов (до 280 символов) англоязычных интернет-публикаций британских, американских и канадских политиков за период с 2018 по 2024 гг., извлеченных из личной картотеки автора настоящей статьи. Для достижения поставленной цели и задач помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез, описание, наблюдение и др.) используются типы анализа языковых явлений (концептуальный, категориальный и контекстуальный анализ, анализ дискурса), а также приемы отбора и систематизации

материала исследования (сплошная выборка, фиксация языковых явлений).

Выбор политических текстов в качестве эмпирического материала обусловлен тем, что коммеморативные практики часто используются в политике с целью консолидации социальных групп, в частности, для национального сплочения и служат ключевым инструментом проведения «политики памяти».

Результаты и обсуждение

В современной лингвистике наблюдается всплеск интереса к языку как системе, отражающей человеческие знания о мире, а также как к средству объективации, организации, хранения и передачи знания. Для решения важнейших вопросов связи между языком и сознанием, а именно выявления механизмов взаимодействия когнитивных и языковых структур и установления форматов репрезентации знания в языке, как правило, требуется обращение к когнитивно-дискурсивной парадигме.

Понятие «формат знания» является одним из ключевых для когнитивной лингвистики. Несмотря на свою распространенность, термин «формат знания» еще не получил единого толкования: под ним может пониматься как отдельная структура знания (концепт или категория), так и совокупность структур (сцены, сценарии, фреймы и др.) (Кубрякова, 2012, с. 64). В настоящей работе мы придерживаемся определения, предложенного Н.Н. Болдыревым, согласно которому формат знания – это и форма, и способ представления знаний в мышлении и языке (Болдырев, 2006, с. 5).

Для нашего исследования значимы два положения о термине «формат знания»: во-первых, он применим к разным структурам знания, отличающимся друг от друга величиной и содержанием; во-вторых, термин можно распространить на любой сложноорганизованный объект (Кубрякова, 2012, с. 135). Так, Е.С. Кубрякова относит к форматам знания драматургические произведения на основании их особой архитектоники и предлагает методику когнитивно-дискурсивного анализа и моделирования формата знания пьес (Кубрякова, 2008, с. 33). В пользу того, что драматургическое произведение представляет собой сложный формат знания говорит также то, что в ходе лингвистического анализа текста пьесы посредством механизмов инференции можно

получить доступ к структурам и форматам знания, отражающим «пласты» предметно-познавательного и языкового опыта человека.

Анализ материала исследования показал, что архитектонике коммеморативного дискурса присуща ретроактивность – создание нового смысла за счет обращения к прошлому *a posteriori*, т. е. через призму настоящего с опорой на накопленный опыт, который относительно события в прошлом имеет характер последующего. Термин «ретроактивность» мы заимствуем из концепции психоанализа Ж. Лакана (англ. *retroaction*, от фр. *après coup* – «задним числом»), развивающей идеи З. Фрейда, где он употребляется как аналог термину «*Nachträglichkeit*» (нем. – «отложенное действие») (Лакан, 2009). Ретроактивность как психоаналитическое явление указывает на способность психики перерабатывать прошлое в воспоминания, которые представляют собой не фактически произошедшие, хронологически выстроенные события, а их образ, конструируемый памятью человека через призму жизненного опыта. В концепции Ж. Лакана история по своей сути ретроактивна и являет собой не что иное, как «синтез прошлого в настоящем» (Там же, с. 51).

Дискурс, в котором смыслообразование осуществляется преимущественно за счет реинтерпретации прошлого, мы предлагаем считать ретроактивным. Ретроактивный дискурс, на наш взгляд, относится к сложным интегративным форматам знания, поскольку он, во-первых, представляет собой способ динамического представления знания о прошлом (знания о прошлом подвергаются трансферу в настоящее и будущее и наоборот), который может быть применен в ряде разновидностей дискурса; во-вторых, включает в себя различные типы знания, обобщенные И.А. Бодуэном де Куртенэ в следующей классификации: 1) языковое, 2) интуитивное и 3) научное (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 79); в-третьих, интегрирует концепты «прошлое», «настоящее» и «будущее» и концептуальные области «время» и «пространство» в единой динамической модели; в-четвертых, в ретроактивном дискурсе «кристаллизуется» фрагмент дискурсивной деятельности человека по освоению пространственно-временной организации своего бытия, а также создается «конструкт мира», где темпоральная триада подвергается когнитивному «форматированию» с целью заполнения лакун в

опыте ее освоения: упорядочиванию, овеществлению и дискретизации. Следует отметить, что в пользу положения о том, что ретроактивный дискурс является способом, нежели формой бытования дискурса, говорит, с одной стороны, то, что его прагматическая задача заключается в конструировании системы пространственно-временных координат для осмысления социальной онтологии; с другой стороны, то, что он не существует вне конкретных социально-практических форм воплощения.

В результате исследования нами установлено, что коммеморативный дискурс является одной из наиболее универсальных и распространенных форм воплощения ретроактивного дискурса. Ретроактивность коммеморативного дискурса проявляется главным образом в том, что посредством трансфера знаний о прошлом в настоящее и их последующего переосмысления социальная группа осуществляет совместное памятование наследия прошлого.

Другими примерами ретроактивного дискурса могут служить политический, музейный, образовательный дискурс, художественный дискурс с ретро-компонентом (Гусейнова, Косиченко, 2018; Малюга, 2009), маркетинговый дискурс с ретро-компонентом (Мурашова, 2020). В отличие от перечисленных разновидностей, коммеморативный дискурс обладает определенной степенью автономии и может входить в них как функциональная часть, ср. политическая коммеморация.

В результате анализа материала исследования было установлено, что в коммеморативном дискурсе как разновидности ретроактивного дискурса представлены все три типа знания, описанные И.А. Бодуэном де Куртенэ, каждый из которых участвует в конструировании представлений о прошлом. Следует подчеркнуть, что знание о прошлом в процессе коммеморации подвергается переосмыслению в процессе трансфера в настоящее и будущее. Трансфер знания, как правило, осуществляется посредством темпоральной триады – сочетания трех взаимосвязанных временных пластов, где отправной точкой обычно служит настоящее время.

Особое значение в коммеморативном дискурсе имеет знание о прошлом, транслируемое через язык, поскольку акт памятования чаще всего опосредуется вербальной коммуникацией на

естественном языке. И.А. Бодуэн де Куртенэ с опорой на идеи В. фон Гумбольдта вводит понятие языкового знания, определяя его как познание мира, отраженное в языке (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 95). Основанием для выделения языкового знания в отдельный тип стало положение о том, что язык – это «многослойное» психосоциальное явление, отражающее как индивидуальный, так и коллективный опыт познания (Там же, с. 79).

В коммеморативном дискурсе языковое знание о прошлом репрезентируется прежде всего посредством вербализации темпоральной триады, где каждый временной пласт в той или иной мере выражен и связан с другими. В результате анализа материала выявлены следующие средства вербализации темпоральной триады: 1) лексика, вербализующая концепты «память», «прошлое», «настоящее», «будущее» и «единство», главным образом так называемые «слова памяти» типа *remember, forget, memory*; 2) видовременные формы прошедшего времени, группы Perfect и «настоящее историческое», как правило, в оппозиции к формам настоящего и будущего времени; 3) определения со временным значением, например, выраженные причастием прошедшего времени *done* или инфинитивом в страдательном залоге со значением будущности *to be done*; обстоятельства времени типа *in years past, today, toward a future*, соответствующие временным пластам; 4) повелительное наклонение, выражающее побуждение к действию на основе памяти о прошлом (*Let us never forget*); 5) сослагательное наклонение для выражения пожеланий относительно вектора развития событий в будущем (*Lest we forget.*); 6) собирательные существительные типа *generation, nation, community*; 7) обобщающие местоимения типа *each, all, every* и производные; 8) неопределенные местоимения *some, any, no* и их производные, а также сочетание указательного местоимения с относительным местоимением *those who*; 9) «метонимическое местоимение «мы»» (Reisigl, 2018, с. 370), роль которого заключается в объединении в единое сообщество представителей различных поколений; 10) использование перформативных актов (*We pay tribute to ...*).

В следующей публикации президента США Джо Байдена от 27.11.2020, посвященной празднованию Дня наследия коренных американцев, находим сочетание средств трансляции языкового

знания о прошлом: обстоятельство времени с указанием на настоящее (*This Native American Heritage Day*), глаголы в простом настоящем времени (*give, celebrate*), перформатив *we give thanks*, повелительное наклонение *let's commit*, причастия в прошедшем времени (*built, filled*); лексика с семами «прошлое» (*Native, Heritage, Indigenous, contributions*) и «будущее» (*a new future, opportunity*); метонимическое местоимение *we/our*, собирательное существительное *communities*, слова с семой «единство» *partnership* и *together*, обобщающее местоимение *all*.

This Native American Heritage Day, we give thanks to our Indigenous communities and their ancestors. As we celebrate their rich heritage and contributions, let's commit to writing a new future together – one built on a strong partnership and filled with opportunity for all.

Основным типом знания, без которого было бы неосуществимым смыслообразование в коммеморативном дискурсе, является интуитивное знание. Именно интуитивное знание позволяет человеку выстраивать в своем сознании пространственно-временной континуум и ориентироваться в нем. В отличие от научного знания, которое является результатом рассудочного познания, интуитивное знание опирается на неосознанные психические процессы и представляет собой «чувственное» начало (Кант, 1999, с. 71).

Основными интуитивными знаниями, транслируемыми в коммеморативном дискурсе, являются представления о: 1) синтезе категорий пространства и времени, 2) линейности образа времени (в пользу чего, например, говорит то, что будущее не обуславливает настоящее) (Там же, С. 164, 356) и его дискретности, 3) единстве прошлого, настоящего и будущего, 4) близости настоящего к будущему и удаленности настоящего и будущего от прошлого, 5) повторяемости прошлого.

Синтез категорий пространства и времени обычно вербализуется посредством сочетания обстоятельств времени и места, дат и имен собственных, как правило, ассоциативно связанных друг с другом. Так, в публикации бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй от 13.11.2022 сочетание обстоятельств времени (*Today*) и места (*at the Cenotaph*) вызывает культурную ассоциацию с Днем памяти павших:

Today at the Cenotaph we honour the memory of the men and women who gave their lives so that we could be free. <...>

Формирование линейного и дискретного образа времени осуществляется, как правило, за счет последовательного предъявления слов *past*, *present* и *future* и форм глагола прошедшего, настоящего и будущего времени, как, например, в следующей публикации вице-президента США Камалы Харрис от 13.02.2024:

During Black History Month, we tell the stories of the heroes of our past – upon whose broad shoulders we stand – and the heroes of the present, who create history every day while shaping our future.

Дискретность образа времени сосуществует с представлением о единстве временных пластов и континуальности исторического процесса, что, по мнению И.Л. Мерзляковой, во многом объясняется дискретностью и континуальностью исторического сознания (Мерзлякова, 2021).

В политических коммеморативных текстах представление о единстве временных пластов вербализуется главным образом посредством «стертых» метафор *lessons of history* («история как образование») и *a chapter in history* («история как книга»), где слово *history* используется для обозначения всего временного континуума.

Одним из лейтмотивов англоязычного коммеморативного дискурса является указание на возможность нации влиять на свое прошлое, настоящее и будущее. В обыденном представлении, как и с точки зрения теории эволюции (см. “survival processing effect” (Kroneisen, Erdfelder, 2022)), память направлена на будущее: настоящее и будущее можно улучшить, избегая ошибок прошлого. Также в бытовом сознании есть понимание необратимости прошлого, что выражается в поговорке “One cannot put back the clock” (рус. – «Прошлого не веротишь»). В англоязычном коммеморативном дискурсе необратимость прошлого компенсируется признанием ошибок и извинением, что, по сути, является политической интерпретацией религиозного тезиса о том, что после покаяния человека Бог может изменить его прошлое.

В следующей публикации от 09.05.2018 премьер-министр Канады Джастин Трюдо объявляет о намерении правительства извиниться за то, что в 1939 г. Канада отказалась принять более 900

еврейских беженцев с лайнера «Сент-Луис», пытавшихся спастись от нацистских преследований.

При помощи негативно окрашенной эмотивной лексики (*failed, shameful*) транслируется осуждение решения об отказе, а метафора *chapter of our history* позволяет создать ощущение целостности континуума канадской истории.

*When Canada denied asylum to Jewish refugees on board the MS St. Louis in 1939, we **failed** the passengers, their descendants, and the community. For this, we will deliver a formal apology in the House for this **shameful chapter of our history**: pm.gc.ca/eng/news/2018/...*

В политическом коммеморативном тексте временные пласты, как правило, организованы таким образом, что прошлое удалено от настоящего и будущего, а настоящее и будущее мыслятся в тесной связи друг с другом: *Today and tomorrow*.

Идея повторяемости прошлого выражается, как правило, в использовании порядковых числительных и лексики с семой «повторение»: *anniversary, repeat, again, always, never, forever* и др.

В следующей публикации Дж. Трюдо от 23.05.2021 сочетание вышперечисленных средств направлено на то, чтобы коммеморировать еще одну «темную страницу» канадской истории – инцидент с японским пароходом «Комагату Мару» в 1914 г., на котором группа людей из Британской Индии пыталась иммигрировать в Канаду, но получила отказ во въезде. События повлекли бунт, в котором погибли несколько человек.

*On the 107th anniversary of the Komagata Maru's arrival in Canada, we remember the victims of this dark chapter in our history. We must also remember that diversity and inclusion are our strengths - and we must **never repeat** the injustices of our past. pm.gc.ca/en/news/statem...*

Научное знание, получаемое в результате рационального осмысления действительности, образует научную картину мира человека. Главным типом научного знания, представленного в коммеморативном дискурсе, является энциклопедическое знание в области истории.

Политические тексты в социальных сетях рассчитаны на широкий круг лиц, поэтому, как правило, не содержат специфических сведений и оперируют общеизвестными прецедентными именами и датами, образующими «валидную,

устойчивую и приемлемую» «параллельную линию воспоминаний» (перевод с англ. – Е.М.) (Malyuga, 2011, с. 82). При необходимости включается историческая справка, распространенность которой диктуется представлениями автора об осведомленности целевой аудитории.

Например, в публикации от 06.06.2023 в официальном аккаунте премьер-министра Великобритании Риши Сунака, коммеморирующей высадку союзнических войск в Нормандии в 1944 г., содержится следующая информация об указанной операции: название (*#DDay*), время (*79 years ago*), участники (*British, Commonwealth and Allied personnel, a British Army column*), место (*Gold Beach*). В случае отсутствия у читателя базовых знаний о событии понимание достижимо индуктивно за счет перифрастического описания (*the liberation of Western Europe from occupation in the largest amphibious operation in history*).

*Today we remember **British, Commonwealth and Allied personnel** who, **79 years ago**, began **the liberation of Western Europe from occupation in the largest amphibious operation in history**.*

*This image from **#DDay** shows **a British Army column** heading inland after landing on **Gold Beach**.*

Смыслообразование в коммеморативном дискурсе представляет собой результат действия множественных лингвокогнитивных механизмов общего и частного порядка. Мы полагаем, что основным лингвокогнитивным механизмом, определяющим ретроактивность англоязычного коммеморативного дискурса, является **механизм когнитивной иллюзии**, под которым следует понимать побуждение к определенному толкованию реальности посредством контекстуально обусловленного ракурса (“bias”) в ее репрезентации (Pohl, 2022, с. 3). Как и оптическая иллюзия, когнитивная иллюзия достигается путем фокусирования и дефокусирования определенных параметров внутри задаваемого контекста.

В коммеморативном дискурсе суть иллюзии сводится к тому, что репрезентация прошлого параметризуется относительно определенного мировоззрения.

Подчеркнем, что когнитивная иллюзия не отменяет возможности когнитивного искажения реальности, например, в случае фальсификации истории и «черной риторики».

К частным механизмам, обслуживающим когнитивную иллюзию, относятся слияние, аналогия, реификация (овеществление), реконтекстуализация, профилирование, перспективизация, точка обзора, субъективация и интересубъективация.

В коммеморативном дискурсе остро стоит проблема преодоления недоверия к сообщаемому, поскольку смыслообразование происходит на основе трансфера знания о неосязаемом минувшем. Попыткой преодолеть недоверие является сближение пластов прошедшего и настоящего времени путем когнитивного слияния, под которым в психотерапии подразумевается отождествление вербализованной мысли и реально существующего объекта, на который она направлена (Ruiz, Gil-Luciano, & Segura-Vargas, 2023, с. 207).

В коммеморативном дискурсе когнитивное слияние достигается прежде всего за счет выстраивания координационных отношений между пластами времени и дейктических отношений между «своими» и «чужими» внутри этих пластов.

Координационные отношения предполагают «прикрепление» пласта прошедшего или будущего времени к пласту настоящего времени как к наиболее реальному и заслуживающему доверия, что реализуется посредством механизмов аналогии и реификации.

Яркий пример аналогии находим в публикации главы МИД Великобритании Дэвида Кэмерона 08.04.2024, в которой сопоставляется «историческая дружба» Англии и Франции по колониальным вопросам в рамках «Сердечного соглашения» 1904 г. и сотрудничество двух государств против действий России в современных реалиях. В задаваемом контексте фокусируются параметры «историчность» (*120 years ago, historic, the Entente Cordiale*), «сотрудничество» (*friendship, we stand side-by-side*) и «противодействие России» (*global challenges like Russian aggression in Ukraine*). Порядок предъявления информации, использование глагола в Present Perfect (*'ve come*) и экспликация причинно-следственной связи (*what it means today*) представляют дружбу для противодействия России как продолжение «Сердечного соглашения».

120 years ago, our historic friendship with France entered a new chapter, as we signed the Entente Cordiale.

*@steph_sejourne and I reflect on how far we've come, and what it means today as we **stand side-by-side** in the face of **global challenges like Russian aggression in Ukraine**. gov.uk/government/spe...*

С тем, чтобы сблизить пласты прошедшего и настоящего времени, в коммеморативном дискурсе часто применяется механизм реификации (лат. *res* – «вещь»), под которым, как отмечает О.К. Ирисханова, понимается когнитивная способность человека переосмысливать абстрактные сущности как предметные, вещественные (Ирисханова, 2015, с. 62). Рассуждения о способности языка объяснять мир через призму телесности, как правило, ведутся в когнитивно-грамматических трудах в контексте изучения номинации (Р. Лэнекер, Л. Тэлми, Ж.-Р. Лапер, О.К. Ирисханова). Применяя терминологию Р. Лэнекера, отметим, что в коммеморативном дискурсе преобладает «номинализация-действие», а не «номинализация-факт», поскольку процесс реификации демонстрирует пространственно-временной, нежели качественный фактор (Langacker, 1991, С. 30–31). Языковыми средствами реификации чаще всего выступают динамические глаголы и прецедентные имена, обозначающие локацию, например, как в следующих примерах из публикаций британских премьер-министров: *to lay a wreath at the Monument to the Fallen, A #YellowCandle is lit in Downing Street, to place a cross in the @CommonsSpeakers Constituency Garden of Remembrance*.

В качестве механизма, в значительной мере отвечающего за смыслообразование в коммеморативном дискурсе, следует выделить реконтекстуализацию – двуединый процесс трансфера-трансформации чего-либо из одного дискурса в другой (Linell, 1998, с. 144). В отличие от аналогии, реконтекстуализация предполагает активное преобразование значений и «соконститутивна» смыслообразованию (Там же). Реконтекстуализация в основном применяется с целью представить событие в настоящем как повторение событий прошлого, например, как в публикации МИД Великобритании от 25.11.2023, коммеморирующей Голодомор. Знание о том, что Голодомор – это массовый голод (*the Holodomor famine*), выводится из исторического контекста, коннотативно достраивается при погружении в современный идеологический контекст того, что Палата общин признала Голодомор геноцидом украинского народа (*#FoodIsNotAWeapon*), и транспонируется на

представление о том, что Россия якобы напала на украинские зернохранилища и сельскохозяйственную технику (*Russia's attacks on Ukrainian grain and shipping*). Таким образом, историческое знание о Голодоморе трансформируется за счет коннотативного достраивания в новом контексте и служит основой для обвинения в продовольственном геноциде.

*Today marks 90 years since the end of the **Holodomor famine**.*

*As we remember the many millions who died during the Holodomor, we are also thinking of those around the world affected by **Russia's attacks on Ukrainian grain and shipping**. We #StandWithUkraine #FoodIsNotAWeapon*

Одним из механизмов, обслуживающих когнитивную иллюзию, выступает профилирование – тип когнитивной выделенности, разработанный Р. Лэнкером на основе идей Л. Тэлми об оппозиции «фигура – фон», пришедшей из гештальтпсихологии. Под профилированием понимается процесс выделения определенной характеристики («профиля») на фоне ближайшего («базы») и дальнейшего («домена») концептуального окружения в пределах одной концептуальной области (Langacker, 1991).

В следующей публикации К. Харрис от 30.11.2021, посвященной «пантеонизации» американско-французской активистки борьбы за равенство Жозефины Бейкер, в пределах домена «национальный герой», на фоне базы «борец» профилируются такие характеристики, как «первость» и «народность». Порядок предъявления биографических сведений отвечает актуальной для Америки повестке.

*Today, Josephine Baker becomes the **first American-born, first Black woman, and first entertainer to be inducted into the Panthéon**. As a civil rights activist and World War II resistance fighter, she shined on stage and off. May her memory continue to inspire future generations.*

Выстраиванию дейктических отношений внутри временных пластов способствует механизм перспективизации, под которым, как отмечает О.К. Ирисханова, понимается конструирование объекта с точки зрения участников дискурсивного акта (Ирисханова, 2013, с. 44). Механизм перспективизации, как правило, обслуживается рядом частных механизмов, из которых для исследуемого материала наиболее релевантны механизм точки

обзора (Langacker, 1991), субъективации и интерсубъективации (Ирисханова, 2013, с. 47).

Механизм точки обзора в коммеморативном дискурсе применяется с тем, чтобы задать пространственно-временные рамки как коммеморируемого, так и коммеморирующего события. Например, в публикации из официального аккаунта премьер-министра Великобритании от 08.05.2024 точка обзора реализуется при помощи обстоятельств времени и места, включая дейктические единицы (*Today, On this day 79 years ago, Nearly eight decades on*), и прецедентных имен (*#VEDay, Winston Churchill, the Second World War, British, Commonwealth and Allied personnel*):

Today is #VEDay.

On this day 79 years ago Prime Minister Winston Churchill announced the end of the Second World War in Europe.

Nearly eight decades on we remember the many British, Commonwealth and Allied personnel who liberated a continent from tyranny.

Механизмы субъективации и интерсубъективации реализуют соответственно экспликацию наблюдателя и солидаризацию между наблюдателем и адресатом в рамках оппозиции «свой» – «чужой» (Ирисханова, 2013). В англоязычном коммеморативном дискурсе субъективация чаще всего подчинена интерсубъективации, а трансляция сообщения обычно происходит с двух ракурсов: “от «МЫ»” и “от «Я» к «МЫ»”. Так, в следующей публикации Джо Байдена от 12.10.2022, посвященной коммеморации Великого чикагского пожара 1871 г., вектор подачи информации можно представить как движение от “от «Я» к «МЫ»”: от личного опыта одной семьи (*I, on behalf of my family*) к опыту всех американских семей (*our nation's, every American, those you*). Субъективация и интерсубъективация реализуются в примере при помощи соответственно эксклюзивных (*I, my*) и инклюзивных дейктических местоимений (*our, every, those, you*). Прием введения третьего лица-«врага», а именно опасности пожара (*When the worst happens*), материализует оппозицию «свой» – «чужой».

Today, I commemorated Fire Prevention Week and thanked our nation's firefighters on behalf of my family and every American.

When the worst happens and those you love are in danger, there is no better sight in the world than a firefighter who is ready to go to work.

Более частные лингвокогнитивные механизмы смыслообразования, такие как (де)фокусирование, находятся вне зоны внимания в настоящей статье в соответствии с поставленной задачей.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что коммеморативный дискурс представляет собой одну из универсальных и распространенных разновидностей ретроактивного дискурса, т. е. дискурса, в котором смыслообразование происходит за счет апостериорного обращения к прошлому.

Ретроактивный дискурс можно считать особым сложным форматом знания, а именно способом динамического представления знания о прошлом в рамках временной триады, интегрирующим различные типы знания (языковое, интуитивное и научное) с целью конструирования системы пространственно-временных координат социального бытия. Каждый тип знания вербализуется в коммеморативном дискурсе при помощи определенного набора средств, большинство из которых направлены на создание как универсальных общечеловеческих, так и культурно-специфических представлений о пространстве и времени.

В результате анализа материала были выявлены базовые лингвокогнитивные механизмы смыслообразования в англоязычном коммеморативном дискурсе. Было установлено, что ретроактивность англоязычного коммеморативного дискурса определяется механизмом когнитивной иллюзии, под которым понимается побуждение к определенному ракурсу толкования реальности посредством фокусирования и дефокусирования тех или иных ее параметров относительно определенного мировоззрения. К частным механизмам когнитивной иллюзии относятся слияние, аналогия, реификация (овеществление), реконтекстуализация, профилирование, перспективизация, точка обзора, субъективация и интерсубъективация. В значительной мере за смыслообразование в коммеморативном дискурсе отвечает реконтекстуализация – механизм, реализующий одновременно трансфер и трансформацию знания о прошлом в контексте настоящего и будущего. Преодоление недоверия к сообщению о

прошлом осуществляется в основном посредством механизма когнитивного слияния, направленного на выстраивание координационных и дейктических отношений внутри темпоральной триады.

Литература

1. Беседина Е.А., Буркова Т.В. Коммеморативный дискурс в контексте трансфера знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – Вып. 2. – С. 38–46.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
3. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 5–22.
4. Гусейнова И.А., Косиченко Е.Ф. Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 162 с.
5. Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XV. – С. 43–58.
6. Ирисханова О.К. Реификация в аспекте моно- и полимодальности коммуникации // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXII. – С. 62–64.
7. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1999. – 655 с.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
9. Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 30–45.
10. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)). – М.: Гнозис, Логос, 2009. – 432 с.
11. Малюга Е.Н. К вопросу об обучении иностранным языкам с использованием новых информационных технологий // Вопросы прикладной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 91–95.
EDN: SBDZON

12. Малюга Е.Н. Некоторые особенности речевого поведения в официально-деловом стиле // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2011. – № 11. – С. 81–85. EDN: OFNIXV
13. Мерзлякова И.Л. Дискретность и континуальность как фундаментальные свойства исторического сознания // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №11(113). – Часть 4. – С. 130–132.
14. Мурашова Е.П. Ретро как объект изучения лингвистики // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – Вып. 4(23). – С. 113–120. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-113-120.
15. Петросян Г.О., Гришечко Е.Г. Управление конфликтом в политической коммуникации: лингвистический и методический аспекты // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – №11. – С. 100–105. EDN: LOITVZ
16. Ребрина Л.Н., Чубай С.А. Дискурсивное конструирование локального патриотизма прошлого в региональных СМИ: коммеморация // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – Вып. 4 (82). – Часть 2. – С. 47–51. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.82.4.037>.
17. Таскаева А.В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: автореф. дисс. ... д. филол. н.: 10.02.19. – Челябинск, 2021. – 32 с.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
19. Храменко Д.С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход). – МГИМО, 2010. – 209 с. EDN: QETCET
20. Akopova A.S. Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis // Issues of Applied Linguistics. – 2023. – № 50. – P. 28–51. DOI: 10.25076/vpl.50.02
21. Kroneisen M., Erdfelder E. Survival Processing Effect // R.F. Pohl (ed.), Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory. – 3rd ed. – Routledge: London and New York, 2022. – Pp. 371–385.

22. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Stanford: Stanford University Press (Peking University Press), 1991. – Vol. 2. – 621 p.
23. Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse // *Text & Talk*. – 1998. – Vol. 18. – №2. – Pp. 143–157.
24. Malyuga E.N. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution / E.N. Malyuga, A.S. Akopova // *Training, Language and Culture*. – 2021. – Vol. 5. – №4. – P. 65–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>.
25. Pohl R.F. What Are Cognitive Illusions? // R.F. Pohl (ed.), *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory*. – 3rd ed. – Routledge: London and New York, 2022. – Pp. 3–23.
26. Reisigl M. The Semiotics of Political Commemoration // R. Wodak & B. Forchtner (eds.), *The Routledge Handbook of Language and Politics*. – Routledge: London and New York, 2018. – Pp. 368–382.
27. Ruiz F.J., Gil-Luciano B., Segura-Vargas M.A. Cognitive Defusion // M.P. Twohig & M.E. Levin & J.M. Petersen (eds.), *The Oxford Handbook of Acceptance and Commitment Theory*. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – Pp. 205–229.

References

- Akopova, A. S. (2023). Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis. *Issues of Applied Linguistics*, 50, 28–51. DOI: 10.25076/vpl.50.02
- Besedina, E.A. & Burkova, T.V. (2023). Commemorative discourse in the context of knowledge transfer. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 38–46.
- Boduen de Kurtene, I.A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected Works on General Linguistics], Vol. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Boldyrev, N.N. (2006). Linguistic categories as a format of knowledge. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 5–22.
- Guseinova, I.A. & Kosichenko, E.F. (2018). *Zhanry, menyayushchie mir i nas. Trivial'nyi diskurs. Retrodetektiv* [Genres Changing Us and the World. Trivial Discourse. Retro-Detective Prose]. Moscow: FGBOU VO MGLU.

- Iriskhanova, O.K. (2013). On perspectivization in cognitive studies. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 15, 43–58.
- Iriskhanova, O.K. (2015). Reification as seen through mono- and multimodality of communication. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 22, 62–64.
- Kant, I. (1999). *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Moscow: Nauka.
- Khalbvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Framework of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Khramchenko, D. S. (2010). *Irony in English business discourse (functional-synergetic approach)*. MGIMO University. EDN: QETCET
- Kroneisen, M. & Erdfelder, E. (2022). Survival processing effect. In R.F. Pohl (ed.) *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory*. 3rd edn. Routledge: London and New York.
- Kubryakova, E.S. (2008). O metodike kognitivno-diskursivnogo analiza primenitel'no k issledovaniyu dramaturgicheskikh proizvedenii (p'esy kak osobye formaty znaniya) [On methods of cognitive-discursive analysis as applied to dramatic works studies (plays as special formats of knowledge)]. In *Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka: sb. nauch. tr.* Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, (pp. 30–45).
- Kubryakova, E.S. (2012). *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of the Language: Cognitive Research]. Moscow: Znak.
- Lakan, Zh. (2009). *Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza (Seminar, Kniga I (1953/54))* [Freud's works on the technique of psychoanalysis (Seminar, Book I (1953/54))]. Moscow: Gnozis, Logos.
- Langacker, R.W. (1991). *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford: Stanford University Press (Peking University Press). Vol. 2.
- Linell, P. (1998). Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse. *Text & Talk*, 18(2), 143–157.
- Malyuga, E. N. (2009). On the issue of teaching foreign languages using new information technologies. *Issues of Applied Linguistics*, 1, 91–95. EDN: SBDZON

- Malyuga, E. N. (2011). Some peculiarities of speech behavior in formal and business style. *BSU Bulletin. Language. Literature. Culture*, 11, 81–85. EDN: OFNIXV
- Malyuga, E.N., & Akopova, A.S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture*, 5(4), 65–76. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76>.
- Merzlyakova, I.L. (2021). Diskretnost' i kontinual'nost' kak fundamental'nye svoistva istoricheskogo soznaniya [Discreteness and continuity as fundamental properties of historical consciousness]. *Mezhdunarodniy Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal*, 11(113)-4, 130–132.
- Murashova, E.P. (2020). Retro kak ob"ekt izucheniya lingvistiki [Retro as an object of linguistic study]. *Upper Volga Philological Bulletin*, 4(23), 113–120. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-113-120.
- Petrosyan, G. O., & Grishechko, E. G. (2019). Conflict management in political communication: Linguistic and methodical aspects. *Modern Science: Topical Problems of Theory and Practice. Humanities Series*, 11, 100–105. EDN: LOITVZ
- Pohl, R.F. (2022). What are Cognitive Illusions? In R.F. Pohl (ed.), *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory* (pp. 3–23). 3rd edn. Routledge: London and New York.
- Rebrina, L.N. & Chubay, S.A. (2019). Diskursivnoe konstruirovaniye lokal'nogo patriotizma proshlogo v regional'nykh SMI: kommemoratsiya [Discursive construction of local patriotism of the past in regional media: commemoration]. *Mezhdunarodniy Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal*, 4(82)-2, 47–51. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.82.4.037>.
- Reisigl, M. (2018). The Semiotics of Political Commemoration. In R. Wodak & B. Forchtner (Eds.), *The Routledge Handbook of Language and Politics*, (pp. 368–382). Routledge: London and New York.
- Ruiz, F.J. & Gil-Luciano, B. & Segura-Vargas, M.A. (2023). Cognitive Defusion. In M.P. Twohig & M.E. Levin, & J.M. Petersen (Eds.) *The Oxford Handbook of Acceptance and Commitment Theory* (pp. 205–229). Oxford: Oxford University Press.
- Taskaeva, A.V. (2021). *Realizatsiya geroicheskoi paradigmy v natsional'noi yazykovoii kartine mira* [Realization of the heroic

paradigm in the national language picture of the world] (Doctoral thesis abstract, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia).

УДК 81

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.03>

Ю.А. Филясова,

Х. Лун³

Российский государственный педагогический университет им.

А.И. Герцена

МЕДИАОБРАЗ КОНЦЕПТА *ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ* НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается концепт ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ (ВО) в медиа пространстве американских, китайских и российских газет. Материалом исследования послужили 273 новостные статьи за период 2010-2023 гг., содержащие в заголовке ключевое слово «высшее образование». Методы исследования включали сплошную выборку, анализ содержания, тематическую классификацию, идентификацию проблематики, выделение ключевых слов, сравнительный анализ. В результате исследования было выявлено, что число новостных статей в китайских газетах, содержащих ключевое слово «ВО» значительно больше (примерно на 70%), чем в американских и российских газетах. Данный феномен объясняется позиционированием ВО в качестве вектора развития национальной экономики Китая. Концепт ВО на китайском языке включает широкий доступ к ВО, активное международное взаимодействие и развитие регионов. Американский концепт ВО раскрывается как

³ © Филясова Ю.А., Лун Х. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Поступление в редакцию 05.11.2023 г.

Принятие к публикации 5.09.2024 г.

совокупность социально-экономических вопросов, связанных с недостаточным финансированием и неравными возможностями для разных демографических категорий. Концепт ВО в российском медиапространстве представлен как явление, предоставляющее возможности для личностного развития и карьерного роста. Межкультурные сходства и различия концепта ВО выявлены в языковых репрезентациях наиболее значимых семантических связях. Общими межкультурными свойствами концепта ВО являются повышение качества подготовки и соответствие выпускников требованиям рынка труда.

Ключевые слова: медиадискурс, медиалингвистика, когнитивные исследования, концептуальная семантика, репрезентация концепта, межкультурная коммуникация, международное сотрудничество, реформы образования, качество образования, рынок труда

UDC 81

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.03>

Yu.A. Filyasova,

H. Long

Herzen State Pedagogical University of Russia

THE MEDIA IMAGE OF THE *HIGHER EDUCATION* CONCEPT IN THE ENGLISH, CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

*The article considers the *HIGHER EDUCATION (HE)* concept in the media landscape of American, Chinese and Russian newspapers. The material for the research comprised 273 news articles over the period 2010-2023, containing the keyword 'higher education' in their headlines. The research methods included continuous sampling, content analysis, thematic classification, problem identification, keyword selection, and contrastive analysis. The findings show that the number of Chinese news articles with HE in their headlines is considerable higher (approximately by 70%) than in the American and Russian newspapers. This phenomenon is explained by the positioning of HE as a vector of national economy development in China. The Chinese concept HE includes a wide access to HE, active international collaboration and the*

development of Chinese regions. The American concept HE is exposed as the sum total of social-economic issues caused by insufficient financial resources and unequal opportunities for different demographic categories. The concept HE in the Russian media space is represented as a phenomenon providing opportunities for personal development and career growth. Intercultural similarities and differences are identified in the language representations of the most relevant semantic relations. The common conceptual properties across the cultures are HE quality improvement and the compliance of graduates with labor market requirements.

Keywords: mediadiscourse, mediallynguistics, cognitive studies, conceptual semantics, concept representation, intercultural communication, international cooperation, educational reforms, education quality, labor market

Introduction

Concept is referred to as the result of intellectual human activity that reflects images and other perceptual experiences in the human mind, thus forming a verbal worldview, arguably, by means of language. Concept is semantically connected to multiple linguistic signs and meanings that are specific to the human mind unlike other principles of information coding. Conceptual studies are perspective for understanding the semantics of language phenomena, for example, communicative strategies (Vasiliev, 2022; Malyuga, 2019; Akopova, 2016), kaleidoscopic concepts (Gretskaya, 2021), PENSION concept (Denisenko, Safaraliev, Kolysheva, 2022), SURPRISE concept (Nilsen, Okulova, 2022; Karabulatova et al., 2023), the image of a woman in Chinese and Russian paroemiae (Novospasskaya, Yang, Mikhaylenko, 2023).

Mass media, among other types of verbal environments such as scientific, professional, and vernacular, create a certain conceptual content that reflects various social views or, alternatively, shapes public opinion. Mediallynguistics is a broad area of language studies that combines verbal and media features into a specific type of language which has a vast amount of material for research (Dobrosklonskaya, 2020), belonging to different genres (Achkasov, 2016), such as editorial discourse (Sokolova, 2022). More specifically, medialanguage contains quantitative and qualitative foundations for the interpretation of cognitive mechanisms for generating new meanings and actualizing

different types of knowledge (Boldyrev, Fedyaeva, 2023). Mediatexts possess a huge linguistic and extralinguistic potential for informational and psychological impact on readership and viewership (Akhrenova, Zaripov, 2023), for instance, metaphor as a common linguistic means of mind manipulation (Filyasova, 2023) or headlines as allegedly the most powerful element of mediatexts (Khramchenko, 2023; Filyasova, 2022). Apart from the basic function of information dissemination, mediatexts are known for their expressiveness, attention-grabbing (Malyuga, Poliakova, Shabanova, 2022), cultural adaptation (Beloglazova, 2023; Akopova, 2023), fashion for certain language, such as buzzwords (Malyuga, 2001).

The HIGHER EDUCATION (HE) concept possesses a complex structure and includes such semantic relations as ‘subject areas’, ‘academic degrees’, ‘qualified graduates’ etc. HE in Russia is undergoing the reform stage and systemic changes due to the influence of new economic, social and technological conditions (Bordovsky, 2023). Currently, the system of HE is actively cultivating the anthropocentric approach to students (Mansurova, 2023), taking into consideration the lack of work experience and polar behavior types in the first attempts to perform professional activity (Filyasova, 2023; Grischechko, 2023).

Material and methods

The aim of this paper is to consider the HE concept in the media sphere and its features in the American, Chinese and Russian cultures. The theoretical value of the research lies in the fact that HE is one of the fundamental cultural phenomena in the modern society which is critical for transferring knowledge to the young generation, preserving values and moving towards a higher stage of social development. The HE concept is generally known from educational experience; however, the current vision of HE requires a certain insight into media sources in order to understand how HE is presented in different cultures. The results of the research could be used in the practice of teaching English as a foreign language, cognitive and media studies.

The material for the study was comprised of 273 newspapers articles which were selected from American, Chinese and Russian online newspapers over the period from late September to early October 2023 by the keyword “higher education” (*Chinese* 高等教育, *Russian* “высшее образование”), present in the headlines, which was a

necessary stipulation for the selection process. The media sources included such newspapers as “The Washington Post” (90 articles, 2013-2023), “The New York Times” (4 articles, 2023), “Guangming Daily” (32 articles, 2021-2023), “China Youth Daily” (17 articles, 2020-2023), “Xinhua News Agency” (17 articles, 2021-2023), “People’s Daily” (15 articles, 2022-2023), “China Daily” (14 articles, 2020-2023), “The Beijing News” (5 articles, 2020-2023), “Аргументы недели” [Argumenty nedeli] (29 articles, 2010-2023), “Комсомольская правда” [Komsomol'skaja pravda] (16 articles, 2010-2023), “Экономика и жизнь” [Jekonomika i zhizn'] (9 articles, 2010-2020), “Поиск” [Poisk] (8 articles, 2011-2023), “Советская Россия” [Sovetskaja Rossija] (7 articles, 2019-2023), “Солидарность” [Solidarnost'] (6 articles, 2011-2022), “Совершенно секретно” [Sovershenno sekretno] (2 articles, 2015, 2022), “Слово” [Slovo] (1 article, 2023), “Московская правда” [Moskovskaja pravda] (1 article, 2021). The unequal representation of newspapers is explained by the availability of the articles with the headlines containing the keyword “higher education” under study.

Overall, the number of newspaper articles with the headlines containing the term “higher education” overwhelmingly exceeds in the Chinese media landscape, where 100 articles were found for only four previous years (2020-2023), hence it potentially overcomes several times those in the USA and in our country. Having been searched for “higher education”, American newspapers did not reveal many headlines with the term sought after, even though most of them discuss this topic under various headlines. The only newspaper that contained multiple articles with “higher education” placed in the position of headline is “The Washington Post”. Nevertheless, 2013-2023 is quite a substantial time span even for one media source. As for Russian newspapers, only some of them place the term “higher education” into the headline, therefore, the sample consists of articles gathered from various sources, which, in the aggregate, do not reach a hundred over a long period from 2010 to 2023. Nevertheless, HE is a relevant topic for discussion across cultures, though the emphasis is placed on different aspects in each cultural environment, therefore, headlines are written in specific manners.

Findings and discussion

The newspaper articles demonstrated a wide range of topics that consider various aspects of HE and its role in the modern society. The online availability of multilingual newspapers provides the opportunity

to compare and contrast the topics discussed within a certain area such as HE. The obtained articles were divided into several categories on the basis of their semantic reference, separately in each language, and compared in terms of media interest and views on the concept.

American news

The majority of American newspaper articles were devoted to the current issues which are usually closely intertwined, such as financial aspects in HE, the legal authority to introduce reforms, deficit budgets, among others. Let us consider a few articles that illustrate the most vivid examples of the conceptual field.

“Despite strong economy, worrying financial signs for higher education” considers endowment size, budget deficit, growing expenses that outpace revenue, uneven distribution of funding among HE institutions, stagnation of the HE system, changes in students’ preferences and values, obligatory work for participating employers, and internships. The financial issues are the result of a number of changes in the American society.

“The blessing and curse of fundraising for higher education” draws the conclusion that receiving investment is necessary for obtaining new facilities, cutting-edge research, top-notch faculty, and scholarships for students; however, the pursuit of money is sometimes exalted. The keywords include raising money, endowment, and fundraising.

“How to raise rural enrollment in higher education? Go local.” is focused on the existing gap in HE between rural and urban residents and the educational and economic divide between rural and nonrural America. Due to the rural education gap, students in suburban communities are socially distanced and face barriers to HE.

“Higher education’s biggest challenge is income inequality” addresses a tough dilemma about whether it is necessary to provide financial aid for institutions and increase HE affordability for low income student or reduce public support which offsets expenditure savings. Despite increased tuition fees, the student body remains to be socioeconomically diverse, and the lagging income of families poses financial challenges for institutions.

“For black men, higher education and incomes don’t lower risks of depression, researchers say” is devoted to social issues related to cultural diversity in the US which are covered in terms of deprivation and dissatisfaction – discrimination, adverse mental health outcomes despite

achievement, increased anxiety despite economic success, personal ambitions and hopelessness, inequality and blocked opportunities for the national minorities who are viewed as threatening subjects.

“How low-income Asian Americans became the forgotten minorities of higher education” examines social issues related to the Asian category of people in the American society, who are referred to as immigrants with a childhood poverty rate, and the HE system functioning in their regard. The current trend is the elimination of race-conscious admissions. The conceptual field includes such semantic connections as race-conscious admission policies, the model-minority stereotypes, racial quota system, and low admission rates for high-achieving Asian-American applicants as underrepresented groups.

In addition, high admission requirements are described as significant challenges for certain social categories. Traditionally transparent admission rules are undermined by unclear practices. The article under the title: *“Opinion | The biggest problem in higher education isn’t the Varsity Blues scam”* indicates illegal schemes: *“It is appalling that wealthy parents willing to pay bribes allegedly used what the architect of a recently revealed scam called “a side door” to get their children admission into schools such as Yale, Georgetown and Stanford universities.”*

Unequal access to HE for different social groups necessitates conducting reforms that meet the needs of modern students. This transformation is discussed in a few articles as follows: *“Opinion | Our college students are changing. Why aren’t our higher education policies?”*: *“College students are now more likely to work, have family commitments and come from low-income backgrounds than in earlier generations.”*

Overall, the newspaper articles address the issues concerning different social groups which experience problems with the access to HE programs due to financial difficulties, admission issues, ethnic tensions in the American society, involvement into political processes, and the close connection of the HE system to the labour market, which determines supply and demand of qualified human resources across the country. American HE is viewed as a self-sustaining system that is in demand among young people; the recent trends, however, demonstrate low demand due to high education fees which do not seem to be self-

sustaining costs in terms of salary that is supposed to act as return on payments.

Chinese news

The newspaper articles were mainly devoted to the development of HE and international cooperation. The questions of development are considered at the national and regional levels, for specific industries and for the purposes of social welfare. Fewer articles were related to digitalization, gender equality and labour market.

Chinese authorities are concerned about the future quality of HE in the country, especially considering the fact that the Chinese HE system is the largest in the world and the gross enrollment rate of HE continues to increase. In pursuit of better quality educational approaches, innovation plays a significant role and important guarantee for realizing educational modernization. In particular, the authorities pay attention to student dormitory construction and adopting innovative ideas to planning land use and construction works. The examples of articles related to this topic are as follows: 专家共议：新时代高等教育如何实现高质量发展 [*Experts discuss: How to achieve high-quality development of higher education in the new era*], 在学人数 4002 万，我国已建成世界规模最大的高等教育体系 [*With 40.02 million students enrolled, China has built the world's largest higher education system*], 探寻高等教育高质量发展新路 第十二届新华网教育论坛即将举 [*Exploring new paths for high-quality development of higher education, the 12th Xinhuanet Education Forum will be held soon*], 加快推进高等教育高质量发展 [*Accelerate the high-quality development of higher education*], 推进构建中国式现代化高等教育体系 [*Promote the construction of a Chinese-style modern higher education system*], 全国政协委员程建平：加快推动高校学生宿舍建设 夯实高质量高等教育体系的基本保障 [*Cheng Jianping, a member of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference: Accelerate the construction of dormitories for college students and consolidate the basic guarantee for a high-quality higher education system*].

The Chinese authorities are open for international cooperation with different countries, such as Malaysia, Thailand, Jordan, Egypt, Cuba,

Great Britain, France, Spain, Portugal, and others. One of the most critical aspects of international educational cooperation and exchange relations are agreements on mutual recognition of HE qualifications. These are a few examples of newspaper articles which elaborate on the details on such multilateral arrangements for mutual equality, respect, trust and sincerity: 中国已与 54 个国家签署高等教育学历学位互认协议 [*China has signed agreements on mutual recognition of higher education qualifications with 54 countries*], 共克时艰马中高等教育交流合作不断线 [*Overcoming the difficulties together, exchanges and cooperation in higher education between Malaysia and China continue*], 中外语言交流合作中心与泰国高等教育和科研创新部、泰国教育部签署系列合作协议 [*The Chinese and Foreign Language Exchange and Cooperation Center signed a series of cooperation agreements with the Ministry of Higher Education, Research and Innovation of Thailand and the Ministry of Education of Thailand*], 埃及高等教育部副部长希沙姆·法鲁克：珍惜任何一个与中方合作的机会 期望将中国专业技术引进到埃及 [*Hisham Farouk, Deputy Minister of Higher Education of Egypt: Cherish any opportunity to cooperate with China and hope to introduce Chinese professional technology to Egypt*], 中国高等教育学会与英国大学联盟召开视频会议 [*China Higher Education Association held a video conference with Universities UK*], 法国高等教育部长：法中教育与科技合作堪称典范 2020 年大有可为 [*French Minister of Higher Education: France-China cooperation in education and science and technology is exemplary and has great potential in 2020*], 世界高等教育大会将在巴塞罗那举行 旨在塑造全球高等教育未来 [*World Higher Education Congress to be held in Barcelona, aiming to shape the future of global higher education*], 澳门特区与葡萄牙明日起互认高等教育学位及文凭 [*Macao SAR and Portugal will mutually recognize higher education degrees and diplomas from tomorrow*].

Holistically, the media focus in the Chinese newspapers place a premium on building a powerful country in which HE is the leading growth engine. The goals of HE include strengthening the potential of teaching staff, cultivating high-level innovations, nurturing creative talents, and improving the level of scientific research. The intense development of HE is determined by the needs of contemporary economy and society, which are intended to produce results meeting the country's major strategic goals and enhance international competitiveness and influence.

Russian news

The Russian newspapers discussed HE at multiple angles which embraced a wide variety of social aspects, employment prospects, the social demand for HE, expectations of young people and their parents, factual benefits in the form of financial rewards, the necessity to reform the system of HE, among others.

From the societal perspective, HE was discussed as an ambivalent phenomenon. On the one hand, the social value of HE was considered in such articles as *“После бума. мода на высшее образование принесла дивиденды”* [After the boom. The fashion for higher education has paid dividends], *“В России стали больше ценить высшее образование”* [In Russia higher education has become more valued], *“Ученые: Высшее образование дает больше шансов женщине на замужество”* [Science: Higher education gives a woman more chances to get married]. Firstly, HE is considered as a public good and personal benefit that develops individual abilities. Secondly, HE enables young women under 30 to find a permanent partner, who becomes their husband, and found a family. Thirdly, HE opens up opportunities for young people to develop progressive cognition pattern, self-confidence and attain competitive advantages as an individual in the labour market. Overall, HE provides a firm start for young people who are determined to reach their full potential.

Meanwhile, a number of newspaper articles, on the other hand, presented the opposite opinions and statistics, which argued the benefits of HE as a panacea to all social and personal problems. This category includes such articles as *“90% родителей с высшим образованием не видят альтернатив вузу для детей”* [90% of parents with higher education do not see alternatives to university for their children], which debates inflated expectations from HE returns and the inability of young

people and their parents to draw long-term plans for bearing responsibilities and covering all expenses related to HE payment fees. Similar concerns are considered in the article “Заслуженный учитель: почему россияне не хотят получать высшее образование” [*Honored teacher: Why Russians do not want to get higher education?*], in which the author elaborates on the risks connected to the reduction of state-funded university places and financial liabilities learners gain, having entered into contractual relations with HE institutions. The repercussions of such liabilities can be observed in such articles as follows: “Каждый пятый кузбассовец 20-29 лет имеет высшее образование и живет за счет родителей” [*Every fifth Kuzbass resident 20-29 years old has a higher education and lives at the expense of their parents*], “Россияне разочаровались в высшем образовании” [*Russians are disappointed in higher education*], in which the discrepancy between the expectations from HE and the actual income of graduates becomes evident and posed as a social issue. Many young people with a diploma of HE believe that the role of HE is exaggerated since real-life goal achievement does not depend on HE alone.

As a response to the social concerns about the utilitarian role of HE, a number of reforms were considered for the future of educational and professional standards, for example, HE individualization, the abolition of high standards requiring diplomas of HE for a number of jobs, rapid development of secondary vocational education (college-level). These innovative decisions are covered in such articles as “Учителя без высшего образования появятся в российских средних школах” [*Teachers without higher education will appear in secondary schools*], “Установка на высшее образование потеснена установкой на среднее профессиональное” [*The focus on higher education has been supplanted by the focus on secondary vocational education*].

Simultaneously, the reforms are aimed at the growing interest of young people to receive HE, and the system is designed to satisfy the needs of motivated adults, especially in the fields of medicine and arts, and those who are busy with their family responsibilities, for example, “В России можно будет получить высшее образование, не поступая в ВУЗ” [*In Russia it will be possible to obtain higher education without entering a university*], “Второе высшее образование в медазах предлагают сделать бесплатным” [*Second higher education in medical universities is proposed to be made free*], “Расширен

список вузов Петербурга, где можно получить второе высшее” [The list of universities in St. Petersburg where you can get a second degree has been expanded], “*Россияне смогут бесплатно получить второе высшее образование*” [Russians will be able to get a second higher education for free], “*Многодетные мамы России смогут получить второе высшее бесплатно*” [Russian mothers with many children will be able to get a second degree for free].

A number of articles were devoted to the topic of HE quality which is inclined to decrease as a result of its massive scale and universal approach. The preparation level leaves much to be desired as graduates tend not to meet employee standards when starting their professional career: “*Высшая школа экономики: высшее образование в России всеобщее и бесполезное*” [Higher School of Economics: Higher education in Russia is universal and useless], “*Имитация высшего образования*” [Simulation of higher education], “*Россияне оценивают качество современного высшего образования как среднее*” [Russians rate the level of modern higher education as average]. The focus of the concern, however, may not be in the quality of HE, as it may seem. According to the prominent politician and businessman Herman Gref, the quality of HE should be viewed in terms of practice graduates receive as part of their university preparation: “*Герман Греф решил взяться за высшее образование*” [Herman Gref decided to take up higher education]. H.O. Gref accentuated the importance of cooperation between universities and employers who need new specialists for filling vacant positions in their organizations.

The question of HE is closely connected with employment and labor market. Universities provide programs for medium and high positions in organizational hierarchies, whereas students are young adults without any work experience. The processes of career choice, professionalization and professional development are accompanied by several vital tasks which young people need to accomplish, such as socialization, starting a family, entering into a profession, gaining work experience, along with providing oneself with personal income. HE alone cannot help complete all these tasks; on the contrary, it widens the scope of personal goals and is often viewed as a problem. Therefore, the years of studying at a HE institution seem to be a difficult time when young people have to fill basic vacancies which do not require any qualifications. Many graduates are not able to find suitable jobs that meet their personal expectations.

The following articles discuss these concerns: “У 40% курьеров в России есть высшее или незаконченное высшее образование” [40% of couriers in Russia have higher or incomplete higher education], “Люди с высшим образованием дольше задерживаются в безработных” [People with higher education remain unemployed longer], “Треть россиян с высшим образованием работают не по специальности, на которую учились” [A third of Russians with higher education work in a specialty other than the one they studied for].

Summing up, HE has been undergoing certain changes under the influence of economic, social, and political factors. The system of HE in Russia has been revisited to satisfy the needs of different social categories and meet the expectations of young people as the subjects of the educational process.

Conclusion

As an intercultural phenomenon, the media image of the HIGHER EDUCATION concept has many common features, for instance, the trend towards HE improvement and adaptation to new changes; however, there are certain differences across the countries under analysis. Let us consider core semantic relations of the HE concept in the newspaper articles:

The American HE media image

reforms, development and improvement, university reduction and consolidation, quality, enrollment decline, layoffs, rising cost of college, tuition fees, student loans, debt, income-driven payment, endowment, reduced public support, taxes, budget deficit, financial crisis, supply and demand crisis, affordability, expenditure savings, employment issues, inequality, legacy preference, legacy programs, underrepresented groups, minority students, political participation, job training, overqualification for jobs, poor-quality colleges, worthless degrees, talented students, disadvantaged students, dysfunctional system, freedom of speech, improved marketing, career-focused majors, university ranking, flagship universities, segregated society

The Chinese HE media image

reforms, development and improvement, quality, remote regions development, high education quality, international cooperation, increased enrollment rates, cooperation with domestic and foreign universities, digital transformation, high-quality digital resources, talent cultivation, social progress, sustainable development, teaching

materials, quality assessment, outstanding retired teachers, employment difficulties alleviation, labor market, open cooperation among countries, status, funding guarantee, resource investment, high-level talents, talent training and mobility, sustainable future, online communications, industry integration, technological revolution, industrial changes, school-enterprise cooperation, security systems, cultural exchange, international qualification recognition, moral integrity, new requirements, cultural preservation, support for disadvantaged groups, building a strong country, military academies, national self-reliance

The Russian HE media image

reforms, development and improvement, university reduction and consolidation, flagship universities, quality, enrollment decline, remote regions development, state accreditation, well-paid jobs, forms of education, levels of education, demographics, development of society, technological development, systematized knowledge, innovation economy, knowledge-driven economy, labour market, free admission, priority admission, parents' choice, expenses for school and tutors, financial affordability, personal financial autonomy, lack of practical skills, demographic gap, return to traditions, job in one's degree field, developing personal qualities, financial barriers, long-term financial planning, social risks, social inequality, job opportunities, career expectations, career development, self-confidence, social security, welfare, life goal attainment

The American media exercise a socially problem-oriented approach that questions the affordability of HE for different demographics, implying infringed interests of certain strata and, generally, the inequality in terms of finance (payment of educational fees) and admission principles. The reforms are discussed in the view of increasing the HE availability under the conditions of changing young people's interests and preferences.

The Chinese media promote HE as a national vector for boosting national development via international cooperation, regional development, such as revitalizing the central and western regions, supporting innovative research, modernization, achieving high-quality HE in the new digital era, HE management standardization, cultural inheritance protection, cultural self-confidence improvement, strengthening moral values among young people, and promoting self-improvement.

The Russian media present the HE concept at a personalized angle of vision, covering news in application to personal interests, such as young mothers, parents who actively participate in covering educational expenses for their children. The media act as an indicator of public opinions, eliciting the modality of opportunities and social needs in terms of qualifications and employment prospects.

As a result of the conducted research, it was found that the HIGHER EDUCATION concept has a certain public image depending on the culture behind the conventional idea of HE as the upper level of formal education which ends with an academic degree. Across the cultures, HE is perceived as a value for personal development, successful social integration, career growth and professional development. Nevertheless, the American press focuses more on financial aspects and inequality issues; the Chinese press underlines the importance of national and regional development along with international cooperation; and the Russian press questions the availability of HE for everyone, discusses new employment opportunities for college students, and the demands of the labour market. The identified dilemmas in the HE system across the cultures were as follows: open access and large scale involvement vs. high quality and prestige; universities as autonomous academic institutions vs. universities as organizations integrated into the labour market; the number of graduates vs. demand for specialists with HE in the labour market; HE for personal development vs. HE as the labour market requirement. In conclusion, HE is a complex phenomenon which satisfies various human needs such as those for personal, social, academic, and professional development. HE is considered to have a significant impact on individual life prospects and the future of the whole country.

Литература

1. Ахренова Н.А., Зарипов Р.И. Лингвопрагматические характеристики современных медиатекстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – №3. – С. 801-817. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817
2. Ачкасов А.В. Жанровые вопросы перевода // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – Вып. 4. – С. 5–17. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.401.

3. Белоглазова Е.В. Проблемы лексикографии русизмов в английском языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2023. – №207. – С. 203-208. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-207-203-208
4. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – №3. – С. 686-703. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703
5. Бордовский Г. А. Проблемы и задачи высшего педагогического образования на современном этапе развития страны // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 6. – С. 9-18. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-9-18.
6. Васильев М.В. Речевая стратегия «объективная похвала» и её тактики в английских политических дискурсах малой формы // Вопросы современной лингвистики. – 2022. – №6. – С. 81-90. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-81-90
7. Грецкая С.С. К вопросу о "калейдоскопических" концептах в лингвистике // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – №3. – С. 83-92.
8. Гришечко Е.Г. Оптимизация обучения иностранным языкам с использованием подкастов: анализ обратной связи и практического применения // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков». – Ростов-на-Дону: Академ-Лит, 2023. – С. 69–72. EDN: DJONAB
9. Денисенко В.Н., Сафаралиева Л.А., Кольшева О.Н. Моделирование концепта ПЕНСИЯ: экспериенциальный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 3. – С. 116-124.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – №4. – С. 26-38.
11. Карабулатова И.С., Анумян К.С., Коровина С.Г., Кривенко Г.А. Эмотикема УДИВЛЕНИЕ в новостном дискурсе России,

- Казахстана, Армении и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – №3. – С. 818-840. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840
12. Малюга Е.Н. Функционально-прагматические аспекты английских вопросительных предложений. – РУДН, 2001. – 296 с. EDN: TIOFKX
 13. Малюга Е.Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 58. – С. 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4
 14. Мансурова С.Е. Человек как субъект педагогического процесса: антропологические ориентиры понимания постнеклассической науки // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2023. – № 208. – С. 52-59. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-208-52-59
 15. Нильсен Е.А., Окулова Е.А. Отражение концепта SURPRISE в английском языке (на материале текстов корпусных баз данных) // Когнитивные исследования языка. – 2022. – №4 (51). – С. 865-869.
 16. Новоспасская Н.В., Ян С., Михайленко А.Ю. Образ женщины в китайских и русских поговорках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – №3. – С. 633-646. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646
 17. Соколова В. Л. Коммуникативные стратегии воздействия на читателей в печатном дискурсе и языковые особенности их реализации в редакционной статье (на материале современной французской прессы) // Вопросы прикладной лингвистики. – 2022. – № 48. – С. 120-149.
 18. Филясова Ю.А. Социально-мотивационная каузальность перфекционизма и лени в профессиональной деятельности // Высшее образование сегодня. – 2023. – №1. – С. 19-30. DOI: 10.18137/RNU.NET.23.01.P.019
 19. Филясова Ю.А. Функционально-семантическое поле английских концептуальных метафор HEAVEN и HELL в новостных заголовках // Дискурс профессиональной

- коммуникации. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 26-48. DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-3-26-48
20. Akopova A.S. Manipulation as a component of efficient communication // *Humanitarian and Social Sciences*. – 2016. – № 6. – С. 33–39. DOI: 10.18522/2070-1403-2016-59-6-21-25
 21. Akopova A.S. English for Specific Purposes: tailoring English language instruction for history majors // *Training, Language and Culture*. – 2023. – № 7(3). – P. 31–40. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40
 22. Filyasova Yu.A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // *Training, Language and Culture*. – 2022. – Vol. 6. – No. 4. – P. 50-61. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61
 23. Khramchenko D.S. How headlines communicate: a functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media // *Training, Language and Culture*. – Vol. 7. – No. 2. – P. 30-38. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38
 24. Malyuga E.N., Poliakova N.V., Shabanova V.P. The functional and stylistic characteristics of French advertising discourse in modern economic and political media // *XLinguae*. – 2022. – Vol. 15. – No. 4. – Pp. 67-78.

References

- Achkasov, A.V. (2016). Genre issues in translation studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 4, 5-17. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.401.
- Akhrenova, N.A., Zaripov, R.I. (2023). Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 801-817. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-801-817
- Akopova, A. S. (2016). Manipulation as a component of efficient communication. *Humanitarian and Social Sciences*, 6, 33–39. DOI: 10.18522/2070-1403-2016-59-6-21-25
- Akopova, A. S. (2023). English for Specific Purposes: Tailoring English language instruction for history majors. *Training, Language and Culture*, 7(3), 31–40. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40

- Beloglazova, E.V. (2023). Lexicography of Russianisms in English. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 207, 203-208. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-207-203-208
- Boldyrev, N.N., & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive research methods in linguistics: conceptual-inferential analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 14 (3), 686-703. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703
- Bordovsky, G.A. (2023). Problems and Tasks of Higher Pedagogical Education at the Present Stage of Country's Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 32 (6), 9-18. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-9-18
- Denisenko, V.N., Safaralieva, L.A., & Kolysheva, O.N. (2022). Representation of cognitive features of the concept PENSION in the experimental approach. *Issues of Cognitive linguistics*, 3, 116-124.
- Dobrosklonskaya, T.G. (2020). Medialinguistics: Modern trends in studying language in the media. *Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 4, 26-38.
- Filyasova, Yu.A. (2022). Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis. *Training, Language and Culture*, 6 (4), 50-61. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61
- Filyasova, Yu.A. (2023). Exploring the functional and semantic fields of 'heaven' and 'hell' conceptual metaphors in media news headlines. *Professional Discourse & Communication*, 5(3), 26-48. DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-3-26-48
- Filyasova, Yu.A. (2023). Social and motivational causation of personal perfectionism and laziness in professional activity. *Higher Education Today*, 1, 19-30. DOI: 10.18137/RNU.HET.23.01.P.019
- Gretskaya, S.S. (2021). On "kaleidoscopic" concepts in linguistics. *Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 19: Linguistics and intercultural communication*, 3, 83-92.
- Grishechko, E. G. (2023, April 7). Enhancing language learning with podcasts: Evidence from feedback and practice. In *Proceedings of the 2nd Pan-Russian Research and Practical Conference Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology* (pp. 69–72). Akadem-Lit. EDN: DJONAB

- Karabulatova, I.S., Anumyan, K.S., Korovina, S.G., & Krivenko, G.A. (2023). Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 818-840. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840
- Khramchenko, D.S. (2023). How headlines communicate: a functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media. *Training, Language and Culture*, 2, 30-38. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38
- Malyuga, E. N. (2001). *Functional and pragmatic aspects of English interrogative sentences*. RUDN University. EDN: TIOFKX
- Malyuga, E. N. (2019). Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity. *Tomsk State University Journal. Philology*, 58, 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4
- Malyuga, E.N., Poliakova, N.V., & Shabanova, V.P. (2022). The functional and stylistic characteristics of French advertising discourse in modern economic and political media. *XLinguae*, 15 (4), 67-78.
- Mansurova, S.E. (2023). An individual as a subject of education: human-centered agenda of post-non-classical science. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 208, 52-59. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-208-52-59
- Nilsen, E.A., & Okulova, E.A. (2022). Explication of SURPRISE concept in English (based on corpora data). *Cognitive studies of language*, 4 (51), 865-869.
- Novospasskaya, N.V., Yang, X., & Mikhaylenko, A.Y. (2023). Image of a woman in Chinese and Russian paroemiae. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 633-646. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646
- Sokolova, V.L. (2022). Communicative strategies of influence on readers in media discourse and the language features of their implementation in editorial (based on the material of modern French press). *Issues of Applied Linguistics*, 48, 120-149.
- Vasiliev, M.V. (2022). Speech strategy “objective praise” and its tactics in English political discourses of a small form. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 81-90. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-81-90

УДК 811.134.2
<https://doi.org/10.25076/vpl.55.04>

О.С. Чеснокова,
Л.А. Говорова,
Т.Ф. Усманов⁴

Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы

ГИМН ПЕРУ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРУАНЦЕВ⁵

В статье на материале гимна Республики Перу устанавливаются языковые параметры национальной идентичности перуанцев. Для верификации репрезентации в гимне идентичности раскрывается историческое прошлое перуанской этнической общности, культурно-исторический контекст появления гимна. Особенности модификации песенно-поэтического текста гимна в динамике расцениваются как проекция восприятия освободительной борьбы перуанцев и параметры их национальной идентичности. Статья находится в нескольких парадигмах, которыми являются лингвистика текста, когнитивная лингвистика, теория прецедентности. В этой комплексной парадигме устанавливаются и систематизируются данные о лексико-семантических, морфологических, риторических

⁴ © Чеснокова О.С., Говорова Л.А., Усманов Т.Ф. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Поступление в редакцию 10.06.2024 г.

Принятие к публикации 5.09.2024 г.

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) [<https://rscf.ru/project/24-18-00702/?ysclid=lxgb79u9cp246491389>].

особенностях гимна, которые, в свою очередь, интерпретируется в свете национальной идентичности перуанцев. Установлено, что гимн Перу отражает доминанты политического, общественного, религиозного сознания перуанцев, присущие концептосфере испанского языка Перу прецедентные явления. В статье показано, что религиозная убежденность составляет одну из ключевых доминант перуанской культуры, что эстетически отражено в тексте гимна страны. Сюжетный ход гимна в диапазоне от индейского прошлого страны до обретения независимости получает достаточно ясную аллегорическую интерпретацию свободы и преданности культурно-историческому наследию Перу и является одновременно целостным маркером идентичности перуанцев. Ввиду того, что Перу – многоязычное государство, а официальные языки страны – испанский и кечуа, симптоматично, что национальный гимн страны имеется на языке кечуа, а также на индейских языках ашанинка, аймара, шипибо-конибо, ауахун. Будучи цельным эстетическим конструктом, перуанский гимн выявляет универсальные гимнообразующие закономерности и одновременно представляет самостоятельную риторическую сущность и органичную часть языковых параметров национальной идентичности перуанцев, в том числе, в аспекте многоязычия страны.

Ключевые слова: гимн, песенно-поэтический текст, идентичность, перуанцы, освободительная борьба, маркер, прецедентные явления

UDC 811.134.2

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.04>

O.S. Chesnokova,

L.A. Govorova,

T.F. Usmanov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE NATIONAL ANTHEM OF PERU IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL IDENTITY OF PERUVIANS⁶

⁶ The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 24-18-00702, Linguistic parameters of national identity: Latin American text.

The article uses the material of the national anthem of the Republic of Peru to establish the linguistic parameters of the national identity of Peruvians. To verify the representation of identity in the anthem, the historical past of the Peruvian ethnic community, the cultural and historical context of the anthem's appearance are revealed. The peculiarities of the modification of the song-poetic text of the anthem in dynamics are regarded as a projection of the perception of the liberation struggle of the Peruvians and the parameters of their national identity. The article is located in several paradigms, which are text linguistics, cognitive linguistics, and the theory of precedent. In this complex paradigm, data on the lexico-semantic, morphological, and rhetorical features of the anthem are established and systematized, which, in turn, are interpreted in the light of the national identity of Peruvians. It is established that the national anthem of Peru reflects the dominant political, social, and religious consciousness of Peruvians, and precedent phenomena inherent in the conceptual sphere of the Spanish language of Peru. The article shows that religious conviction is one of the key dominants of Peruvian culture, which is aesthetically reflected in the text of the national anthem. The plot of the anthem, ranging from the Indian past of the country to independence, receives a fairly clear allegorical interpretation of freedom and devotion to the cultural and historical heritage of Peru and is at the same time an integral marker of the identity of Peruvians. Due to the fact that Peru is a multilingual state, and the official languages of the country are Spanish and Quechua, it is symptomatic that the national anthem of the country is available in Quechua, as well as in the Native American languages Ashaninka, Aymara, Shipibo–Konibo, Auahun. Being an integral aesthetic construct, the Peruvian anthem reveals universal hymn-forming patterns and at the same time represents an independent rhetorical essence and an organic part of the linguistic parameters of the national identity of Peruvians, including in the aspect of multilingualism of the country.

Keywords: anthem, song-poetic text, identity, Peruvians, liberation struggle, marker, precedent phenomena

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University (RUDN University)
[<https://rscf.ru/project/24-18-00702/?ysclid=lxgb79u9cp246491389>].

Введение

Интерес к проблематике идентичности стран Латинской Америки, представляющих так называемые «пограничные» культуры (Шемякин 2021), определяется современными социальными, экономическими, политическими процессами, которые способствуют оптимизации диалога между различными странами и культурами, пользующихся единым в структурном отношении испанским языком. В настоящее время, как справедливо указывает В.Е. Чернявская, идентичность приобрела в гуманитарных науках статус «зонтичного» и ключевого понятия, обеспечивающего точки доступа к анализу человека, его поведения, форм (само)выражения в различных социокультурных практиках» (Чернявская, 2022, с. 7). Принципиально, что «изучение идентичности связано с реконструированием на основании отдельных фрагментов более общих ценностей культуры – национальных, региональных, локальных, этнических» (Загряжская, 2020, с. 25). Именно к таким национальным ценностям относятся, по гипотезе авторов статьи, национальные гимны. Национальные гимны – своего рода визитная карточка страны, что применительно к плюрицентричному испанскому языку особенно важно для осмысления языковых параметров идентичности латиноамериканцев, а также центробежных и центростремительных тенденций варьирования и существования испанского языка (см. Куцубина 2022; Малюга, 2013; Chesnokova 2023; Чеснокова, Котеняткина 2022; Buch, 2013; Raygada, 1954).

Национальная идентичность формирует и одновременно отражает культурные и языковые коды того или иного этноса, знание которых может оказывать положительное влияние на формат международных связей (Grishechko, Akopova, 2016; Grishechko, 2023). Данная статья посвящена историческому контексту появления гимна Республики Перу, интерпретации его идейно-эстетического, лексико-семантического, грамматического, символического потенциала через маркеры национальной идентичности. Предпринятое нами исследование находится в нескольких парадигмах, ведущими из которых служат лингвистика текста, когнитивная лингвистика и теория прецедентности.

Историко-культурный контекст создания гимна Перу

Республика Перу – третья по численности населения страна Латинской Америки, колыбель выдающейся цивилизации инков. Империя Инков была самой внушительной из цивилизаций Америки: Империя Инков была в полной мере империей с централизованным управлением из столицы, строгим административным делением, иерархией и набором идеологических и экономических инструментов, позволявших управлять этой чрезмерно бюрократизированной по меркам реликтовой Америки машиной. В то время как обитатели мексиканской долины существовали на уровне развитого каменного века, инки построили государство сопоставимое с средиземноморскими восточными империями бронзовой эпохи (Каргин, 2022).

Национальный гимн Перу (El Himno Nacional del Perú) имеет альтернативное название, соответствующее его припеву, в котором заключена ключевая мысль этого песенно-поэтического текста: *Somos libres, seámoslo siempre* ‘мы свободны, так будем же свободны всегда’ (Himno Nacional del Perú).

Республика Перу получила независимость от Испании 28 июля 1821 г., когда генерал Хосе де Сан-Мартин (*исп.* José Francisco de San Martín y Matorras, (1778 — 1850)) – аргентинец по происхождению и национальный герой Аргентины – объявил о независимости государства на главной площади Лимы. 7 августа 1821 г., в Министерской Газете (*исп.* *Gaceta Ministerial*) страны был объявлен конкурс на текст и музыку гимна Перу. Первое официальное упоминание о зарождении идеи о создании национального гимна мы находим в работе композитора, автора музыки гимна, Хосе Бернардо Альседо (*исп.* José Bernardo Alzedo (1788 — 1878)) – под названием «Фундаментальная философия музыки или толкование доктрин, ведущих к ее наилучшему пониманию» (*Filosofía Elemental de la Música o sea la Exégesis de las Doctrinas Conducentes a su Mejor Inteligencia*), вышедшей в свет в 1869 г.

В прологе к данной работе дипломат и историк Феликс Сиприано Коронель Сегарра (*исп.* Félix Cipriano Coronel Zagarra y Castro (1846 — 1897)) так описывает процесс создания гимна страны:

«Шел 1821 год. 9 июля войска генерала Сан-Мартина получили контроль над Лимой, и девятнадцать дней спустя, на главной площади столицы, военачальником была объявлена независимость Перу. В следующем месяце в Министерской Газете вышло обращение Правительства к артистам и композиторам с призывом написать гимн страны. В обращении также было обозначено вознаграждение для того, чей вариант гимна будет принят, а именно «правительственная награда и благодарность сограждан». Цель этого конкурса заключалась в том, чтобы принять наиболее совершенную версию гимна в качестве Национального гимна Республики.

Столь благородная битва не могла не будоражить умы деятелей искусства, в то же время преисполняя надеждой жителей страны.

На конкурс было подано семь композиций. В назначенный день они были рассмотрены и исполнены в следующем порядке: композиция Главного музыканта батальона «Нумансия», композиция Альседо, Гуапайа, Тены, Филомено, Агилара и еще одна композиция Альседо.

Едва завершилось исполнение последней, как Сан-Мартин встал с места и воскликнул: «Без сомнения, эта композиция – Национальный гимн Перу». На следующий день это мнение, высказанное в порыве энтузиазма, было закреплено указом.

Новый Гимн впервые был представлен в Лиме в день празднования капитуляции крепости в Кальяо. Полковник Паройсен сопроводил Альседо в президентскую ложу, где композитор был в центре внимания всех присутствующих и стал свидетелем триумфа своего таланта, чьи плоды одарили зарождающуюся нацию. Прекрасный голос Росы Мерино первым спел нашу Национальную Песню» (Raygada, 1954, p.2). (Перевод – Т.У.)

*Текст гимна был написан Хосе де ла Торре Угарте-и-Аларкон (исп. José de la Torre-Ugarte y Alarcón-Manrique, 1786-1831), юристом, поэтом и композитором (Чеснокова, 2020, с. 300-301). Это была не первая совместная работа Альседо и Торре Угарте. Ранее ими была написана популярная патриотическая песня *La Chicha* (русск. Ла Чича, 1820 г.). Одно из значений лексемы *chicha* – музыкальный жанр (Diccionario de americanismos, 2010, с. 511)*

Chicha – южноамериканский алкогольный напиток с добавлением забродившего фруктового сока, транслитерируемый как «чича» (Большой испанско-русский словарь, 2011, с. 322). Примечательно, что вся патриотическая песня *La Chicha* написана в кулинарной символике.

Представим ее фрагмент:

Patriotas! El mate
de chicha llenad
y alegres brindemos por la
libertad (bis).

Патриоты! Наполняйте бокалы
чичой,
И выпьем же с радостью за
свободу!
(дважды).

(I)
Cubra nuestras mesas
el chupe y quesillo,
y el ají amarillo, el
celestial ají.
Y a nuestras cabezas la chicha
se vuela,
la que hacerse suele
de maíz o maní.

(I)
Пусть на столах наших будет
жаркое и сыр
И божественный желтый перец
чили.
А головы наши пусть вскружит
чича,
Что изготавливается из кукурузы
или арахиса.

(II)
Ésta es más sabrosa que
el vino y la sidra
que nos trajo la hidra para
envenenar.
Es muy espumosa y yo la
prefiero
a cuanto el íbero pudo codiciar.

(II)
Она вкуснее привезенных вин
или сидра,
Которыми нас хотели отравить
эти змеи.
Чича пенится и нравится мне
больше,
На зависть иберийцам.

Знаменитой исполнительницей песни *Ла Чича* стала перуанская певица-сопрано Роса Мерино (Чеснокова, 2020, с. 304).

В одном из своих писем Альседо так вспоминает написание музыки к гимну: «[автором текста гимна] был уроженец города Ика, Господин Хосе де ла Торре Угарте, который был автором текста

песни *La Chicha*. Когда в мои руки попал текст гимна, я написал к нему музыку» (Raygada, 1954, p.39).

Поскольку Хосе де ла Торре Угарте и Хосе Бернардо Альседо родились именно в Перу, перуанский гимн считается одним из десяти гимнов Латинской Америки (наряду с гимнами Бразилии, Белиза, Коста-Рики, Кубы, Гаити, Никарагуа, Республики Доминикана, Венесуэлы), текст и музыка которых написаны авторами, родившимися на территории страны гимна.

Национальный Марш Перу (*исп. Marcha Nacional del Perú*, 1821) – такое название изначально носил гимн страны – стал катализатором ряда патриотических песен. Примечательно, что многие из них, продолжая риторику текста Торре Угарте, были испанофобными и недостаточно оптимистичными для патриотических песен, появившихся на фоне обретения долгожданной независимости. Многие из этих песен появились в сборнике первых документов, относящихся к периоду Войны за независимость Перу (*исп. La independencia del Perú*, 1811-1826), а также патриотических песен под названием *El Album De Ayacucho*. *Ayacucho* /Аякучо – знаковый для перуанцев топоним. 9 декабря 1824 г. на равнине Аякучо произошло сражение под командованием Симона Боливара (*исп. Simón Bolívar*) и Антонио Сукре (*исп. Antonio José de Sucre*), ставшее решающей победой над испанскими роялистами.

Динамика развития текста гимна Перу

Что касается самого текста гимна, то первые попытки внести в него правки были предприняты представителями Академии науки и литературы (*исп. Academia de Ciencias y Bellas Letras*) в 1867 г., но так и не были доведены до конца. Однако шесть лет спустя, в 1873 г., Литературный клуб по инициативе Луиса Бенхамин Сиснеро (*исп. Luis Benjamín Cisneros*) и Эухенео Ларрабуре-и-Унануэ (*исп. Eugenio Larrabure y Unanue*) постановил, что необходимо устранить заметные, с точки зрения литературной нормы, изъяны. При этом предлагалось сохранить музыку гимна, написанную Альседо. Клуб объявил конкурс на внесение правок в текст Национального гимна. Однако позже данная инициатива вызвала недовольство масс и отдельных лиц, вследствие чего, спустя десять месяцев после объявления инициативы, ее авторам пришлось отказаться от ее реализации.

Несмотря на это, текст гимна все же претерпевал изменения. Так, в оригинальной версии гимна было шесть куплетов и припев. В тексте гимна, напечатанном в *Философии* Альседо, не было уже популярного в 1873 г. и входящего в официальную версию современного гимна Перу куплета, начинающегося со слов *Largo tiempo el peruano oprimido* (Raygada, 1954, с. 50). Однако этот куплет был найден в сборнике *El Album De Ayacucho* в песне под названием *Primera canción patriótica*, написанной, по предположению некоторых исследователей, в период проведения поэтического конкурса в 1821 г. Поскольку в сборнике не указан автор песни, история появления данного куплета и его последующая инкорпорация в текст официального гимна Перу остается невыясненной.

В 1901 г. была предпринята еще одна попытка внести изменения в текст гимна, поскольку он был «устаревшим» и содержал настроения, «не характерные для времени, когда Перу находится в мире со всеми государствами». Победителем конкурса на новый текст гимна стал поэт Хосе Сантос Чокано (*исп. José Santos Chocano Gastañodi*, (1875-1934), знаковая фигура латиноамериканского модернизма, известный под перифразой *El Cantor de América* «Поэт Америки» (Чеснокова, 2020, с. 316), чья версия гимна исполнялась в школах и во время общественных мероприятий. Однако из-за недовольства граждан в 1913 г. президент страны Гильермо Энрике Биллингхёрст Ангуло (*исп. Guillermo Enrique Billinghurst Angulo*) принял Закон № 1801, который устанавливал неприкосновенность текста и музыки оригинальной версии гимна Перу.

В середине XX в., во время правления Мануэля Одриа, была создана специальная комиссия, которая обсуждала вопрос исключения из официального текста гимна куплета, начинающегося со слов *Largo tiempo el peruano oprimido* («Много времени поработанный перуанец»), поскольку он не отвечал литературным стандартам и носил депрессивный и уничижительный характер. Однако лишь в 2009 г. Правительство постановило, что данный куплет останется в официальном варианте текста, однако исполняться не будет – вместо него по сей день официальным для исполнения является шестой куплет гимна.

Версии гимна на других языках Перу

Перу – многоязычное государство. Официальные языки страны – испанский (около 20 млн говорящих) и кечуа (около 3 821 000 говорящих на 33 различных диалектах). В Перу значимы другие индейские языки, крупнейший из которых аймара (350 320 говорящих в районе озера Титикака) (URL: [Peru](#)). Ввиду того, что вторым по значимости языком Перу является язык кечуа, гимн Перу имеется на южном кечуа в двух вариантах – в переводе писателя и исследователя языка кечуа Деметрио Тупака Япанки и Высшей академии языка кечуа (Himno Nacional del Perú, wikipedia). Однако обнаруживается исполнение гимна и на других коренных языках Перу. Так, в видео на YouTube-канале *TVPerú* Национальный гимн Перу исполняется Национальным симфоническим оркестром и Национальным детским хором на пяти языках, за исключением испанского, - кечуа, ашанинка, аймара, шипибо-конибо, ауахун (Himno Nacional del Perú en lenguas originarias, YouTube).

Языковые и риторические особенности гимна

Важность концепта «Свобода» и значимость борьбы за национальную независимость стабильно представлена в гимнах латиноамериканских стран (см., напр. Чеснокова, Котеняткина 2022, Chesnokova, 2023, Buch, 2013) и в коллективном сознании их граждан. Концепт при этом, вслед за Ю. С. Степановым, мы понимаем как «понятие... расширенное ситуацией» (Степанов, 2013, с. 344).

В тексте перуанского гимна как песенно-поэтического произведения прослеживаются различные средства художественной выразительности. Часть гимна под названием “ESTROFAS” посвящена краткой истории порабощения коренных жителей Перу и представлена глаголами в 3 лице единственного числа, тем самым выражая единство и целостность народа. Гимн подробно и красноречиво описывает долгие рабские муки, через которые пришлось пройти перуанцам, прежде чем они смогли услышать и произнести сакральное слово «свобода»:

<i>Largo tiempo el peruano oprimido/ La ominosa cadena arrastró/ Condenado a una cruel servidumbre/</i>	Слишком долго угнетенный перуанец Тащил зловещую цепь. Приговоренный к жестокому рабству,
---	---

<i>Largo tiempo en silencio gimió/ Mas apenas el grito sagrado/ ¡Libertad! en sus costas se oyó</i>	Долго и тихо страдал И едва ли слышал священный клич “Свобода” на своих берегах
---	---

Намеренное повторение словосочетания *Largo tiempo* (дословно «продолжительное время», «долгое время») обладает функцией эмоционального воздействия на слушателя, так как заостряет внимание на том, что угнетение соотечественников действительно было мучительно долгим, почти нескончаемым. Кроме того, можно отметить оценочную лексику, например, прилагательные *oprimido* (угнетенный), *ominosa* (зловещая, роковая), *cruel* (безжалостный), с помощью которых передаются сильнейшие страдания, которые испытывали коренные жители, буквально приговоренные к рабству (*condenado a una cruel servidumbre*). Сопровождая слово *grito* (возглас, клич) эпитетом *sagrado* (святой), гимн явно указывает на то, что долгожданная свобода обусловлена божественной любовью и была дарована в качестве спасения за пережитые народом многовековые мучения. Таким образом, «свобода» (*¡Libertad!*) - возглас, положивший начало освобождению от социального неравенства, который не только принес изменение государственного режима в стране, но и навсегда стал неотъемлемым компонентом национальной самобытности перуанцев, поскольку, обретя независимость, они, наконец, смогли воспрянуть духом:

La humillada cerviz levantó | Униженный, поднял голову

В следующем куплете продолжает углубляться в историю освобождения Перу, посвящая слушателя в детали этого процесса:

<i>Ya el estruendo de broncas cadenas / Que escuchamos tres siglos de horror/ De los libres al grito sagrado/ Que oyó atónito el mundo, cesó.</i>	И прекратился звон цепей, Который мы слышали на протяжении трех столетий, наполненных ужасом Его перебил священный клич, Ошеломивший весь мир.
---	---

В первой строчке описывается шум оков, создающий аллегорию: звуковой образ цепей, которыми на протяжении трех веков были прикованы местные жители. Далее речь вновь идет об описанном выше повсеместном священном кличе, который в конечном счете

покончил с рабскими страданиями и угнетением перуанцев. Здесь мы также обнаруживаем упоминание прецедентного имени *San Martín* (Хосе де Сан-Мартин (1778-1850)): *Por doquier San Martín inflamado/ Libertad, libertad, pronunció*. Генерал Сан-Мартин, также именуемый «Отцом нации» (*Padre de la Patria*), является военным деятелем, вошедшим в историю Латинской Америки в качестве героя-освободителя (*Biblioteca Nacional de Maestras y Maestros*).

Примечательно, что в гимне для характеристики этого известного исторического деятеля используется эпитет *inflamado* (воспаленный), что, согласно источникам, может являться отсылкой на проблемы генерала со здоровьем, такие как вывихи, ранения, переломы и ожоги, полученные во время боевых действий (*Femeba Hoy*). Кроме того, «Отец Нации» страдал от ревматизма, судорог и воспаления радужки одного глаза, что впоследствии привело к его слепоте (Там же). Тем не менее, ни слабое здоровье, ни частичная потеря зрения не являлись помехой для осуществления запланированной Сан-Мartiном освободительной кампании. Предположительно, данное описание (*San Martín inflamado*) используется для того, чтобы сделать образ генерала-освободителя, ставшего национальным героем, более реалистичным, героически стойким и близким для народа.

В заключительных строках этого куплета:

<i>Y meciendo su base los Andes/ Lo anunciaron, también a una voz</i>	Все Анды затряслись у основания И произнесли эти слова в один голос
---	---

речь идет о том, что освободительная кампания генерала, начатая, как известно, в Аргентине, распространилась и на другие страны Южной Америки, располагающиеся в пределах горной системы Анд (*Biblioteca Nacional de Maestras y Maestros*). По окончании военной кампании освобожденные аргентинцы, чилийцы и перуанцы смогли в один голос объявить о своей независимости. Сан-Мартин, взявший на себя ответственность за судьбы людей и пересекший с благородной целью Андские Кордильеры, по нашему мнению, также может выступать в качестве лингвокультурного типажа героя, который является примером для подражания в коллективном сознании соотечественников и одновременно «олицетворяет собой национальный характер и отражает

закрепившиеся в обществе ценности», в данном случае – базовые ценности латиноамериканской культуры (Омеличкина, 2012, с. 153).

В свою очередь, идея Хосе де Сан-Мартина о необходимости обрести независимость от установленного испанцами господства с большой скоростью распространялась среди местных жителей. Стремительность популяризации освободительной борьбы сравнивается со вспышкой молнии (*cual rayo cortó la opinión*), а также говорится о том, что влияние фигуры «отца нации» увеличивалось, так как его действия смогли «пробудить народы» (*con su influjo los pueblos despiertan*). Далее, не указывая названия государств, на территориях которых также проходили военные действия под руководством генерала, метафорически описывается путь Сан-Мартина по Аргентине, Чили и Перу: *Desde el istmo a las tierras del fuego / Desde el fuego a la helada región*. Услышав заветное слово «свобода», представители вышеописанных стран коллективно клянутся не только разорвать ненавистную связь между двумя мирами (*ambos mundos*), под которыми подразумеваются коренное население и европейский мир во главе с Испанией, но и разбить символ испанской власти, чтобы освободиться от ее господства и подчеркнуть собственную идентичность:

<i>Todos juran romper el enlace/ Que natura a ambos mundos negó / Y quebrar ese cetro que España / reclinaba orgullosa en los dos.</i>	Все клянутся порвать эту связь двух миров, Что сама природа отрицала. И разбить тот скипетр высокомерной Испании, Которому повиновались эти миры.
--	--

Следующий куплет гимна посвящен описанию всеобщего врага в лице Испании, теперь именуемого «беспомощным тираном» (*tirano impotente*), который, несмотря ни на что, стремится сохранить свое влияние и продлить рабскую зависимость местных жителей. Можно отметить, что с героическим появлением «Отца Нации» настроение песенно-поэтического произведения

значительно модифицируется, поскольку происходит изменение расстановки сил в ситуации, так как у коренного населения появляются ресурсы для того, чтобы переломить опостылевший ход событий. Так, например, в этом куплете впервые обнаруживается противопоставление сильной (*severa*, дословно «суровая») Лимы и ее злейшего врага, внезапно ставшего беспомощным (*impotente*):

<i>Lima, cumple su voto solemne/ Y, severa, su enojo mostró/ Al tirano impotente lanzando/ Que intentaba alargar su opresión.</i>	Лима сдержала священную клятву И, будучи сильной, показала свой гнев, Набросившись на обессиленного тирана, Что пытался продлить свой гнет.
---	--

Перуанцы, вдохновленные подвигами Хосе де Сан-Мартина и желающие отомстить стране-колонизатору, полны решимости получить независимость от ее господства в результате освободительной борьбы. При описании поворотного момента в судьбе страны, в гимне используется любопытная зоометафора *A su esfuerzo saltaron los grillos* (от ее (Лимы) усилий запрыгали сверчки), которая иллюстрирует молниеносность действий, мужественность и внутренний настрой поработанных жителей на победу. Согласно отдельным источникам, сверчки символизируют храбрость (Словарь символов), поэтому данный образ можно также объяснить готовностью местных жителей резко и отважно атаковать врага и бороться с ним до последнего. Отметим, что сверчки в коллективном перуанском сознании выступают в качестве символа дома и возрождения, что соотносится с риторикой и эстетикой гимна (Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия). Следующий стих в данном куплете *Y los surcos que en sí reparó*, который можно перевести как «борозды на ней (Лиме) сами затянулись», привлекла наше внимание тем, что она не только придает выразительность тексту гимна, но и сообщает о невероятной внутренней силе, благодаря которой страна смогла освободиться от поработителя и избавиться от нанесённых врагом глубоких ран и разрушений. В тексте подчеркивается, что Лима, продолжая соблюдать свою торжественную клятву, благодаря

которой она обрела поддержку Бога и свободу, в конечном счете выражает скрытые ранее чувства яростного возмущения и ненависти, унаследованные от предков по отношению к Метрополии:

<i>Le atizaron el odio y venganza / Que heredara de su Inca y Señor.</i>		Она разожгла в себе ненависть и возмездие, Унаследованные от Инков и Бога.
--	--	--

В следующем куплете использована форма инфинитива *no más verla esclava*, выступающая в качестве воззвания к народу не повторять ошибок прошлого и больше не допускать угнетения и порабощения в будущем. Кроме того, текст призывает перуанцев навсегда сохранить государственный суверенитет и величие страны: *Para siempre jurémosla libre /Manteniendo su propio esplendor* (Давайте навсегда поклянемся, что она свободна /Поддерживая ее собственное величие). Примечательно, что целью этого куплета является не только воодушевление и призыв соотечественников оберегать полученную независимость, но и своего рода предостережение потенциальных недоброжелателей в случае возможных территориальных притязаний в сторону Перу с течением времени:

<i>Nuestros brazos, hasta hoy desarmados / Estén siempre cebando el cañón</i>		Наши руки, до сегодняшнего дня безоружные всегда держат пушку в состоянии готовности
---	--	---

Далее мы наблюдаем воинственный настрой и боевой азарт автора (говорящего от лица всех жителей Перу), выраженный в прямой угрозе, адресованной Испании:

<i>Que algún día las playas de Iberia/ Sentirán de su estruendo el terror</i>		И когда-нибудь пиренейские земли (дословно: «пляжи») почувствуют ужас от ее (пушки) грохота
---	--	--

В последнем куплете гимна кратко обобщается информация, подробно представленная в остальных. В начальных строчках описывается такой знаково-символический элемент культуры как перуанский флаг, красный цвет которого символизирует кровь героев, отдавших свои жизни за страну во время войны за независимость, а белый — символизирует справедливость и мир. Красно-белый флаг с диагональными линиями и щитом в центре был создан в 1821 году генералом Хосе де Сан-Мартинем по окончании освободительной борьбы и уже впоследствии несколько раз модифицировался до современной версии, которую мы знаем сегодня (BBVA Perú). В этом куплете мы обнаруживаем метафору *A su sombra vivamos tranquilos* (В его (флага) тени заживем спокойно), под которой подразумевается достижение Перу государственного суверенитета, дающего гарантии национальной безопасности. Благодаря приложенным в прошлом усилиям у современных перуанцев есть возможность жить в мире, при этом использована форма повелительного наклонения множественного числа *vivamos tranquilos*, которую также можно перевести как «давайте жить спокойно», иначе говоря, мы можем рассматривать это в качестве призыва к соотечественникам мобилизовать ресурсы и не повторять прежние ошибки, также, как и во фразе *Renovemos el gran juramento* (Давайте возобновим великую клятву). Равным образом утверждается, что национальный флаг всегда будет напоминать о том, какой была цена свободы для перуанского народа:

<i>Que a los siglos anuncie el</i>	Пусть во веки веков возвещает
<i>esfuerzo /</i>	
<i>Que ser libres, por siempre nos</i>	О том, что свободу он (флаг)
<i>dio.</i>	

В последней строчке упоминается Dios de Jacob (Бог Иакова), имя, взятое из известного выражения «Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова», которое непосредственно связано с богословской фразой «во имя Отца и Сына и Святого Духа», что в духовном смысле характеризует триединство Бога: Авраам — Бог Отец, Исаак — Бог Сын, Иаков — Бог Святого Духа (Тайны библии). Считается, что Бог Иакова имеет возможность осуществлять и

проявлять свою собственную волю, а также распоряжаться своими созданиями в соответствии со своей собственной вечной целью (Pink, 2021, с. 4). С учетом этого факта можно предположить, что именно Бог Иакова (Бог Святого Духа) выступает в тексте гимна покровителем перуанцев, которые в кровопролитной национально-освободительной борьбе обрели свободу воли.

Припев гимна представляет собой адресованную Всевышнему клятву быть свободными, что является залогом ее незыблемости и твердости:

<p><i>Somos libres</i> <i>Seámoslo siempre, seámoslo siempre</i> <i>Y antes niegue sus luces, sus luces el Sol</i> <i>Que faltemos al voto solemne</i> <i>Que la Patria al Eterno elevó</i></p>	<p>Мы свободны Так будем же свободны всегда, Пока не перестанет светить солнце, Пока мы исполняем обет, Навечно данный родиной Всевышнему.</p>
---	--

Обсуждение результатов

Динамика развития текста гимна Перу от начальной версии Альседо и Торре Угарте до современной версии, закрепленной в документе под названием “Himno Nacional versión actual”, который можно найти на сайте Генерального консульства Перу, показывает трансформацию текста в семиотически адекватный устойчивым параметрам идентичности перуанцев текст (Himno Nacional versión actual).

Концепт «Свобода», по нашему мнению, оказывается семиотически объединяющим центром перуанского гимна как песенно-поэтического произведения. Противопоставление независимого государства Перу Испании как бывшей метрополии закрепляет в коллективной памяти перуанцев их освободительную борьбу и идеалы и одновременно формирует дихотомию «свой-чужой». Примечательно, что гимн тяготеет к синекдохе как к важному риторическому ресурсу: единственное число лексемы *peruano* (перуанец) означает всех перуанцев как многоязычную лингвокультурную общность. Тексты гимна на языках индейского населения Перу отвечают проводимой Перу языковой политике. Так, например, на сайте перуанского министерства культуры мы

обнаруживаем подтверждение проводимой Перу языковой политике в следующей фразе: “Trabajamos por un país libre de discriminación y de racismo, orgulloso de su identidad cultural” (Мы работаем во имя страны, свободной от дискриминации и расизма, гордящейся своей культурной самобытностью и идентичностью) (Ministerio de Cultura).

Прецедентные явления текста – это имена протагонистов индейского прошлого Перу. Например, в тексте гимна упоминается *Inca* в предложении “...Que heredara de su Inca y Señor” (...Унаследованные от Инков и Бога). Исследуя совокупность древних мифов, которые рассказывают о происхождении богов, мы обнаруживаем, что изначально инками в перуанской теогонии именовались исключительно боги, но впоследствии название также стало применяться к местным правителям и означало наличие титула верховного вождя одного из племён кечуа (¿Quiénes fueron los gobernantes incas?). С момента поселения древних племен в Куско насчитывается всего 18 Инка, а самым первым правителем, согласно легенде, является Мансо Сáрас (Манко Капак) (Там же). В данном случае под лексемой *Inca* может подразумеваться совокупность всех Инка как символа максимальной власти и культурного наследия предков.

Важно также упоминание национальных героев страны и Латинской Америки в целом, таких как Хосе де Сан-Мартин, который является национальным символом героизма в Перу, Аргентине и Чили.

Религиозные ценности, присущие перуанцам как нации, оказываются воплощенными в тексте гимна в лексемах, группирующихся вокруг идеи:

- Бог (*Eterno, Señor, Natura, Dios de Jacob*),
- Явления природы и небесные тела (*Sol, mundo, fuego, helada región*),
- рабство (*peruano oprimido, la ominosa cadena arrastró, condenado a una cruel servidumbre, en silencio gimió, indolencia de esclavo, opresión*),
- борьба (*largo tiempo, cadenas, tres siglos de horror, inflamado, romper el enlace, quebrar ese cetro, su enojo mostró al tirano, esfuerzo, surcos, le atizaron el odio y venganza, cebando el cañón, terror*),

- свобода (*de los libres al grito sagrado, la humillada cerviz levantó, el estruendo de broncas cadenas...cesó, libertad, los pueblos despiertan, no más verla esclava, para siempre jurémosla libre, sostengan la bandera, ser libres, vivamos tranquilos*),
- героизм (*el grito sagrado, ¡Libertad! en sus costas se oyó, Por doquier San Martín inflamado, cumple su voto solemne, su enojo mostró al tirano impotente lanzando, Le atizaron el odio y venganza Que heredara de su Inca y Señor, Para siempre jurémosla libre Manteniendo su propio esplendor, En su cima los Andes sostengan la bandera o pendón bicolor, Que a los siglos anuncie el esfuerzo Que ser libres, por siempre nos dio, Renovemos el gran juramento que rendimos al Dios de Jacob*),
- история (*tres siglos, San Martín inflamado, meciendo su base los Andes lo anunciaron, con su influjo los pueblos despiertan, quebrar ese cetro que España reclinaba, que heredara de su Inca y Señor, manteniendo su propio esplendor, las playas de Iberia sentirán...el terror, a los siglos anuncie el esfuerzo*),
- зоометафоры (*A su esfuerzo saltaron los grillos, Y los surcos que en sí reparó*),
- топонимы Перу (*Andes, Lima, costas, istmo*).

Текст характеризуется высоким стилем (*La ominosa cadena arrastró, Condenado a una cruel servidumbre, Largo tiempo en silencio gimió, La humillada cerviz levantó, Ya el estruendo de broncas cadenas, Y meciendo su base los Andes, cual rayo corrió la opinión, con su influjo los pueblos despiertan, Desde el istmo a las tierras del fuego, Desde el fuego a la helada región, Todos juran romper el enlace, Que natura a ambos mundos negó, reclinaba orgullosa en los dos, Al tirano impotente lanzando, Que intentaba alargar su opresión, Y los surcos que en sí reparó, no más verla esclava, Manteniendo su propio esplendor, Sentirán de su estruendo el terror, Renovemos el gran juramento, Que a los siglos anuncie el esfuerzo, Que faltemos al voto solemne, Que la Patria al Eterno elevó* и др.), приемами повторения, анафоры, которые создают его воздействующую риторику.

Наличие версий испанского текста гимна Перу на индейских языках страны свидетельствует о проводимой Перу языковой политике сохранности индейского наследия как одной из доминант языковой и этнической идентичности.

Анализируя лексико-грамматические параметры гимна, мы можем заключить, что использованное автором гимна повелительное наклонение первого лица множественного числа *seámoslo*, сопровождаемое последующим лексическим повтором и восклицанием, в данном случае имеет несколько функций: 1. Обратиться к коллективной памяти перуанцев для того, чтобы напомнить им об историческом прошлом, и, в частности, о том, что страна не всегда была суверенным государством. 2. Побудить соотечественников всегда хранить и передавать последующим поколениям любовь и уважение к родине, учитывая пережитый опыт. В строках *Y antes niegue sus luces el Sol / Que faltemos al voto solemne* моделируется нереальная ситуация, при которой жители Перу откажутся от данной ими торжественной клятвы вслед за тем, как перестанет светить солнце. Последняя строчка припева *Que la Patria al Eterno elevó* интересна тем, что в ней содержится метафора (*eleva* al Eterno), где под лексемой “el Eterno” (вечный, бесконечный) подразумевается *Dios* (Бог), являющийся единственно вечным. (Фома Аквинский, 2002). Религиозная убежденность, являясь одной из ключевых доминант перуанской культуры, значимых как для страны в целом, так и для судьбы каждого перуанского гражданина, напрямую отражается как в данной торжественной клятве, обращенной к Всевышнему, так и во всем тексте гимна.

Религиозное мироощущение перуанцев-католиков сливается в тексте гимна с идентичностью индейского прошлого, что создает образ метисной идентичности перуанцев.

Заключение

Предпринятая комплексная методология позволила осмыслить гимн Республики Перу как системное воплощение перуанской идентичности. Текст перуанского гимна насыщен прецедентными явлениями индейского прошлого Перу, символами освободительной борьбы, метафорами, лексикой возвышенного стиля, религиозными аллюзиями. Идея свободы и противостояния Испании тяготеет к масштабированию и обобщению до идеи преданности родине. Художественная и этическая позиция гимна отражает национальную идентичность перуанцев, присущие им ценности патриотического движения, индейского прошлого, доминанты культурно-исторической памяти,

религиозного мироощущения. Сюжетный ход гимна от индейского прошлого до обретения независимости получает достаточно ясную аллегорическую интерпретацию свободы и преданности культурно-историческому наследию Перу и является одновременно целостным маркером идентичности перуанцев. Текст гимна Перу обнаруживает универсальные гимнообразующие закономерности моделирования преданности родине и гордости за свою страну и одновременно выступает как самостоятельный эстетический конструкт – органичная часть языковых параметров национальной идентичности перуанцев, которая также неразрывно связана с их южноамериканской и латиноамериканской идентичностью.

Литература

1. Академик. Словарь символов. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/761?ysclid=lyunc1cvjx493249206>
2. Волкова А.С. Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. – Москва: ИНФРА-М, 2011.
3. Загряжкина Т. Ю. "Вехи идентичности" в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 24-38.
4. Каргин Д.Е. История, общество и культура Инков // Переломные моменты истории: люди, события, исследования: Материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра Великого: в 3 т., Санкт-Петербург, 01 апреля 2022 года. Том 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 766-771.
5. Куцубина Е.В. Государственные гимны, как отражение идеи государства в странах Латинской Америки // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: Доклады V международного форума, Санкт-Петербург, 04–06 октября 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2022. – С. 570-573.
6. Малюга Е.Н. Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании // Вестник

- Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2013. – № 11. – С. 35–40. EDN: RВРНУР
7. Омеличкина Е.О. Дискурсивная реализация стереотипа «Héros-combattant» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №18. – С. 152-158.
 8. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской). – М.: Либроком, 2013.
 9. Тайны библии. – URL: <https://bible-mystery.org/stati/tajny/271-bog-avraama-isaaka-i-iakova/>
 10. Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. – URL: [https://megabook.ru/article/Сверчок%20\(символ\)](https://megabook.ru/article/Сверчок%20(символ))
 11. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1-43 / Перевод с лат. С. Еремеева, А.А. Юдина. – Издательство: Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. – 2002. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/10#source>
 12. Чернявская В.Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // Terra Linguistica. – 2022. – Т. 13. – No 2. – С. 7–10. DOI: 10.18721/JHSS.13201
 13. Чеснокова О. С., Радович М., Талавера-Ибарра П.Л. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020.
 14. Шемякин Я.Г. «Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности. Исторический опыт индейских культур Латинской Америки в универсальном контексте // Латинская Америка. – 2021. – №9. – С. 83–96. DOI: 10.31857/S0044748X0016136-8.
 15. BBVA Perú. Celebrando y comprendiendo el Día de la Bandera. – URL: <https://www.bbva.pe/blog/mi-guia-digital/celebrando-y-comprendiendo-el-dia-de-la-bandera.html#:~:text=Con%20respecto%20al%20Per%C3%BA%2C%20la,la%20justicia%20y%20a%20la%20paz.>
 16. Biblioteca Nacional de Maestras y Maestros. José de San Martín, padre de la patria. – URL: <http://www.bnm.me.gov.ar/efemerides/san-martin/>
 17. Buch E.O. Juremos con gloria morir: Una historia del Himno Nacional Argentino, de la Asamblea del Año XIII a Charly García (Spanish Edition). – Eterna Cadencia, 2013.

18. Chesnokova O. S. Colombian national anthem as the dialogicity continuum // *Training, Language and Culture*. – 2023. – № 7 (3). – Pp. 59-68. doi 10.22363/2521-442X-2023-7-3-59-68.
19. Diccionario de americanismos. – Lima: Santillana, 2010.
20. Global Sourcebook for International Data Management. – URL: <https://www.grcdi.nl/gsb/peru.html>
21. Grishechko E.G. Language and cognition behind simile construction: a Python-powered corpus research // *Training, Language and Culture*. – 2023. – № 7(2). – P. 80–92. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92
22. Grishechko O.S., Akopova A.S. The concept of precedent phenomena and their role in shaping social consciousness // *Philology. Theory & Practice*. – 2016. – 12(66). – P. 71–74. EDN: WYQOAD
23. Himno Nacional del Perú en lenguas originarias. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=7iBh0uS_Juo
24. Himno Nacional del Perú. – URL: https://es.m.wikipedia.org/wiki/Himno_Nacional_del_Perú
25. Himno Nacional versión actual (PW). – URL: https://www.consulado.pe/es/LaPlata/_layouts/mobile/dispsform.aspx?List=0421c852%2Dad9c%2D4db1%2D8c49%2D86f343571f59&View=a7ae539d%2D9004%2D4353%2Daafd%2D0b7dec1dec23&ID=48
26. ¿Qué enfermedad llevó a la muerte al general San Martín? Femeba Hoy: Edición Digital. – URL: <http://www.femeba.org.ar/femebahoy/notas/320-que-enfermedad-llevo-a-la-muerte-al-general-san-martin.html>
27. ¿Quiénes fueron los gobernantes incas? – URL: https://www.boletomachupicchu.com/emperadores-incas/#gobernantes_incas
28. Ministerio de Cultura - Cultura - Plataforma del Estado Peruano. – URL: <https://www.gob.pe/cultura>
29. Pink Arthur W. El Dios de Jacob (Spanish Edition). Chapel Library. 2021. – URL: <https://www.chapellibrary.org/book/gojas/dios-de-jacob-el-pinkarthurw>
30. Raygada C. Historia crítica del Himno Nacional. – Lima: Editorial Juan Mejía Baca. Tomo I. – 1954.

References

- Akademik. Slovar' simvolov [Academician. A dictionary of symbols]. Retrieved from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/761?ysclid=lyync1cvjx493249206> (in Russian).
- BBVA Peru. BBVA Perú. Celebrando y comprendiendo el Día de la Bandera. Retrieved from: <https://www.bbva.pe/blog/mi-guia-digital/celebrando-y-comprendiendo-el-dia-de-la-bandera.html#:~:text=Con%20respecto%20al%20Per%C3%BA%2C%20la,la%20justicia%20y%20a%20la%20paz>
- Buch, E. O. (2013). Juremos con gloria morir: Una historia del Himno Nacional Argentino, de la Asamblea del Año XIII a Charly García (Spanish Edition). Eterna Cadencia.
- Chernyavskaya, V.E. (2022). YAzykovye modusy identichnosti: slovo ot redaktora [Language modes of identity: a word from the editor]. *Terra Linguistica*, 13 (2): 7–10. DOI: 10.18721/JHSS.13201 (in Russian).
- Chesnokova, O. S., Radovich M., & Talavera-Ibarra P.L. (2020). *Slovar' personalij Tihookeanskogo Al'yansa [Dictionary of personalities of the Pacific Alliance]*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). (in Russian).
- Chesnokova, O. S. (2023). Colombian national anthem as the dialogicity continuum. *Training, Language and Culture*. 2023, 7 (3): 59-68. doi 10.22363/2521-442X-2023-7-3-59-68.
- Diccionario de americanismos. Lima: Santillana, 2010.
- Global Sourcebook for International Data Management. Retrieved from: <https://www.grcdi.nl/gsb/peru.html>
- Grishechko, E. G. (2023). Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture*, 7(2), 80–92. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92
- Grishechko, O. S., & Akopova, A. S. (2016). The concept of precedent phenomena and their role in shaping social consciousness. *Philology. Theory & Practice*, 12(66), 71–74. EDN: WYQOAD
- Himno Nacional del Perú en lenguas originarias. Retrieved from: https://www.youtube.com/watch?v=7iBh0uS_Juo
- Himno Nacional del Perú. Retrieved from: https://es.m.wikipedia.org/wiki/Himno_Nacional_del_Perú

- Himno Nacional versión actual (PW). Retrieved from:
https://www.consulado.pe/es/LaPlata/_layouts/mobile/dispform.aspx?List=0421c852%2Dad9c%2D4db1%2D8c49%2D86f343571f59&View=a7ae539d%2D9004%2D4353%2Daafd%2D0b7dec1dec23&ID=48
- ¿Qué enfermedad llevó a la muerte al general San Martín? *Femeba Hoy: Edición Digital*.
 URL:<http://www.femeba.org.ar/femebahoy/notas/320-que-enfermedad-llevo-a-la-muerte-al-general-san-martin.html>
- ¿Quiénes fueron los gobernantes incas? Retrieved from:
https://www.boletomachupicchu.com/emperadores-incas/#gobernantes_incas
- Kargin, D. E. (2022). *Istoriya, obshchestvo i kul'tura Inkov* [History, society and culture of the Incas]. *Perelomnye momenty istorii: lyudi, sobytiya, issledovaniya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra Velikogo: v 3 t. [Turning points in history: people, events, research: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter the Great: in 3 volumes]*. Vol.2. P.766-771. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. (in Russian).
- Kutsubina, E. V. (2022). Gosudarstvennye gimny, kak otrazhenie idei gosudarstva v stranah Latinskoj Ameriki [National Anthems as a Reflection of the Idea of the State in Latin American Countries]. *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost': Doklady V mezhdunarodnogo foruma [Russia and Ibero-America in a Globalizing World: History and Modernity: Reports of the V International Forum]*, St. Petersburg, October 4–6, 2021. P.570-573. St. Petersburg: Skifia-Print LLC. (in Russian).
- Malyuga, E. N. (2013). Intercultural business communication development in the modern linguistics. *BSU Bulletin. Language. Literature. Culture, 11*, 35–40. EDN: RBPHYP
- Ministerio de Cultura - Cultura - Plataforma del Estado Peruano.
 Retrieved from: <https://www.gob.pe/cultura>
- National Library of Teachers. José de San Martín, padre de la patria. Retrieved from: <http://www.bnm.me.gov.ar/efemerides/san-martin>

- Omelichkina, E. O. (2012). Diskursivnaya realizaciya stereotipa «Héros-combattant» [Discursive realization of the stereotype "Héros-combattant"]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 18: 152-158. (in Russian).
- Pink, Arthur W. (2021). El Dios de Jacob (Spanish Edition). Chapel Library. Retrieved from: <https://www.chapellibrary.org/book/gojas/dios-de-jacob-el-pinkarthurw>
- Raygada, C. (1954). Historia crítica del Himno Nacional. Lima: Editorial Juan Mejía Baca. Volume I.
- Shemyakin, Ya.G. (2021). «Pogranichnost'» kak sposob sohraneniya i utverzhdeniya identichnosti. Istoricheskij opyt indejskih kul'tur Latinskoj Ameriki v universal'nom kontekste. [“Borderliness” as a way of preserving and affirming identity. Historical experience of Indian cultures of Latin America in a universal context]. *Latinskaya Amerika*, 9: 83–96. DOI: 10.31857/S0044748X0016136-8. (in Russian).
- Stepanov, Y. S. (2013). *Francuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoj) [French stylistics (in comparison with Russian)]*. Moscow: Librocom. (in Russian).
- Tajny biblii [The secrets of the Bible]. Retrieved from: <https://bible-mystery.org/stati/tajny/271-bog-avraama-isaaka-i-iakova>
- Thomas Aquinas. (2002). *Summa teologii. CHast' I. Voprosy 1-43 [The sum of theology. Part I. Questions 1-43]*. In translation by S. Yeremeyev, A.A. Yudin. Kiev: Elga, Nika-Center, Elkor-MK, Exlibris. Retrieved from: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/10#source> (in Russian).
- Universal'naya enciklopediya Kirilla i Mefodiya [The Universal Encyclopedia of Cyril and Methodius]. Retrieved from: <https://megabook.ru> (in Russian).
- Volkova, A.S. (2011). *Bol'shoj ispansko-russkij slovar': Latinskaya Amerika [Large Spanish-Russian dictionary: Latin America]*. Moscow: INFRA-M, XVIII. (in Russian).
- Zagryazkina, T. Yu. (2020). "Vekhi identichnosti" v mezhkul'turnom i yazykovom aspektah (ot Provansa k Oksitanii) ["Milestones of Identity" in Intercultural and Linguistic Aspects (From Provence to

Occitania)]. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 3: 24-38. (in Russian).

УДК 37.013.75+81

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.05>

Г.А. Паршутина,
С.М. Камалетдинова⁷
МГИМО МИД России

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ОПАСЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ СЛОЖНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта (ИИ) в среде студентов выпускных курсов бакалавриата и магистратуры различных ВУЗов. С этой целью применялся метод анкетирования (опроса) с помощью он-лайн конструктора тестов Testmoz, который включал 10 вопросов закрытого и открытого типа. Приведённые наблюдения и выводы основаны на результатах анализа представлений студентов и моделей использования приложений на базе нейросети, в частности при изучении английского языка. Приводятся примеры заданий на развитие разных компетенций студентов в освоении иностранного языка.

Исследование показывает, как часто, на какие инструменты и в какой степени они полагаются, насколько ИИ влияет на обучение и успеваемость, а также что их беспокоит в связи с его растущей интеграцией в образование. Рассматриваются особенности чат-ботов как наиболее популярных «помощников» в учебном процессе. Особое внимание уделяется Chat GPT (Generative Pre-

⁷ © Паршутина Г.А., Камалетдинова С.М. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Поступление в редакцию 6.07.2024 г.

Принятие к публикации 5.09.2024 г.

trained Transformer), к которому, по признанию студентов, они чаще всего прибегают при выполнении различных учебных и научных заданий. Кроме того, в исследовании анализируются проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели, и те, с которыми им еще предстоит справиться, например, обеспечение справедливого оценивания, решение вопросов доверия и адаптация к меняющемуся образовательному ландшафту под влиянием ИИ. Результаты исследования подчеркивают необходимость выработки сбалансированного подхода к использованию технологии нейросети в образовании, с учетом аспектов этики, конфиденциальности данных и важности поддержания навыков критического мышления.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, чат-боты, нейросеть в сфере высшего образования, проблемы ИИ в студенческой среде, ИИ в обучении иностранному языку, ИИ и задачи преподавателя

UDC: 37.013.75+81

<https://doi.org/10.25076/vpl.55.05>

G.A. Parshutina,

S.M. Kamaletdinova

MGIMO University

AI THROUGH THE EYES OF UNIVERSITY STUDENTS: BENEFITS, CONCERNS AND POSSIBLE CHALLENGES

The article discusses the issues related to the application of artificial intelligence (AI) within the environment of the senior bachelor's and master's degree students of different universities. To that end the method of questionnaire was implemented based on the online test constructor Testmoz, which comprised 10 questions of both closed and open-ended types. The observations and conclusions presented are based on the results of analyzing students' perceptions and usage patterns of neural network-based applications, in particular in English studies. Assignments on developing students' competences in mastering a foreign language are exemplified.

The study shows how often, to what extent and which tools they rely on, how much AI affects students' learning and performance, and what

their concerns are in terms of its increasing integration into education. The peculiar features of chatbots as the most popular “assistants” in learning are considered, with a special emphasis on Chat GPT (Generative Pre-trained Transformer); according to students’ evidence, it is in high demand in carrying out various academic and research tasks.

In addition, the study analyzes the challenges that teachers are facing and those that will have to address, such as ensuring fair assessment, addressing issues of trust and credibility, and adapting to the changing educational landscape heavily influenced by AI. The results of the study emphasize the need for a balanced approach to the use of neural network technology in education, taking into careful consideration ethics, data privacy, and the importance of maintaining critical thinking skills.

Keywords: artificial intelligence in education, chatbots, neural network in higher education, AI challenges in student environment, AI in teaching foreign languages, AI and teacher's challenges

Введение

До недавних пор вопросы внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в нашу повседневную жизнь воспринимались как нечто волнующе интересное, но нереальное, существующее только во вселенных писателей-фантастов и режиссеров. При всей чрезвычайной сложности устройства и функционирования человеческого мозга воспроизведение такого организма искусственным путём казалось невероятным и недостижимым. Однако даже при жизни одного поколения мы наблюдаем такой гигантский скачок в развитии технологий, что больше не удивляемся воплощению в жизнь самых смелых и немыслимых ранее изобретений.

Конечно, до уровня «невидимых помощников капитанов межгалактический кораблей» нынешний ИИ ещё не дотягивает, однако более-менее адекватно решить ряд задач подобно тому, как с ними справился бы человек, ему уже под силу.

ИИ становится все больше и больше интегрирован в нашу жизнь. Если раньше для того, чтобы использовать его потенциал, было необходимо приложить немало интеллектуальных усилий (комбинировать разнообразные сервисы и искать необходимую информацию, затем проверять её), то сейчас достаточно просто использовать чат с нужными плагинами которые позволяют

интегрировать все необходимые функции и достигать необходимого результата за считанные секунды. Написать лаконичное сочинение определенного объема для учебы? Подготовить мотивационную речь для встречи с новыми сотрудниками? Создать картину или написать мелодию с нуля? Общаться с клиентом или торговать на бирже? Перечисленные выше задачи уже взял на себя ИИ. Хорошо ли это? С одной стороны, да, это очевидная экономия времени, усилий и порой вполне удовлетворительный результат, но работа и чат-бота, и укомплектованной платформы на основе ИИ порой оставляет желать лучшего вследствие того, что ИИ может давать сбои и не всегда приносит желаемый результат.

Причин, по которым желаемый результат работы ИИ не достигается, несколько:

- во-первых, недостоверность и ограниченное число данных, на базе которых ИИ строит свою работу, он просто не может сделать выводы о реальности объективно;

- во-вторых, ИИ довольно просто обмануть ввиду того, что нейронная сеть выполняет анализ изображения или массива информации по блокам, а человеческое сознание видит “картинку” полностью и целиком, что (при прочих равных условиях) позволяет человеческому мозгу работать более гибко и изобретательно;

- в-третьих, ИИ – это отражение своих создателей, которые не всегда могут учитывать социальные, психологические, этнические и прочие нюансы и реалии (Гаврилова, Джурко, 2023).

Кроме того, отмечается риск использования вроде бы безобидных инструментов для запуска вредоносных программ, так называемых malware, и другие потенциально неблагоприятные нежелательные явления (Adamopoulou, Moussiades, 2020; Dhyani, Kumar, 2021).

Тем не менее специалисты в самых разных областях предвидят довольно обширные перспективы внедрения ИИ – от выполнения простейших заданий сбора данных до диагностики заболеваний (Kung, Cheatham, Medenilla, et al., 2023).

Цель данной работы – рассмотреть ИИ с позиции использования в рамках образования и обучения на данном этапе развития технологии и поделиться наблюдениями о том, как учащиеся старших курсов ВУЗов воспринимают ИИ, используют его в

повседневной жизни, а также опытом наращивания коэффициента полезного действия ИИ для студентов и преподавателей.

Методология исследования

С тем чтобы установить, как часто, каким инструментам и с какими целями студенты прибегают к ИИ, насколько полагаются на его помощь в учебе и работе, осознают ли влияние и эффект ИИ на личность и результаты деятельности, мы провели анкетирование (опрос) среди студентов последних курсов бакалавриата и магистратуры ВУЗов различных направлений подготовки, в том числе международных специальностей, таких как экономика и финансы, экология и устойчивое развитие, маркетинг, журналистика и медицина.

Специфика названных специальностей в том, что все они связаны с необходимостью для их представителей идти «в ногу со временем», чтобы соответствовать потребностям не только своего учреждения/компании/организации, но и в целом общества и государства. В противном случае они не смогут адекватно реагировать на новые тенденции в своей профессиональной области и, следовательно, потеряют способность к профессиональному росту (что на самом деле может относиться к любой специальности, но для перечисленных выше – особенно актуально). Отсюда и закономерный интерес к внедрению методов работы, связанных с новыми технологиями.

Опрос проводился с помощью он-лайн конструктора тестов Testmoz и содержал 10 вопросов закрытого и открытого типа. В исследовании приняли участие 48 студентов-добровольцев.

Ход исследования и результаты

В системе образования все чаще фигурируют чат-боты (от англ. chat – болтать, bot (robot) — робот)) на основе ИИ в качестве ассистентов, выполняя различные роли: чат-боты для обучения, чат-боты по тайм-менеджменту, консультанты, психологи, информаторы, редакторы и др.

Согласно исследованиям по применению чат-ботов в учебном процессе, они могут выступать в качестве преподавателя, сверстника, обучаемого, мотиватора и т.д. (Малахова, 2014; Мартынов, 2023; Румянцева, 2022; Congyao, Huang, New, 2020 и др.). В обобщенном виде эти роли можно очертить следующим образом:

- Роль преподавателя: чат-боты могут быть запрограммированы на предоставление информации, объяснение сложных концепций, они могут задавать вопросы и использоваться для проверки знаний, а также для проведения тестов и оценки успеваемости студентов.

- Роль сверстника: чат-боты могут имитировать общение со сверстником, помогая студентам практиковать языки, обсуждать учебные материалы или даже совместно работать над проектами.

- Роль обучаемого: чат-боты могут быть обучаемыми и подстраиваться под потребности студента. Они могут запоминать предпочтения студента, корректировать свои ответы и рекомендации в соответствии с индивидуальными запросами.

- Роль мотиватора: чат-боты могут стимулировать студентов к обучению, выражая похвалу за достижения, напоминая о целях и сроках сдачи заданий, а также предлагая дополнительные задания для развития навыков (ibid.).

Таким образом, чат-боты могут значительно обогатить учебный процесс, помогая студентам получать информацию, общаться, учиться и оставаться мотивированными к достижению тех или иных образовательных целей. Отметим, что в нашем случае серьёзная профессиональная оценка возможных психологических «побочных эффектов» применения таких технологий не входит в круг поставленных в данном исследовании задач. В центре нашего внимания – видение возможностей и проблем в использовании ИИ студентами-старшекурсниками, имеющими уже достаточно основательно сформированные компетенции в области подготовки различных собственных проектов, докладов, обзоров, рефератов, курсовых работ и т.п.

Будучи преподавателями иностранного языка, мы довольно часто сами прибегаем к помощи ИИ в работе. Среди наиболее часто применяемых запросов к ИИ можно выделить 6 категорий и проиллюстрировать примерами поставленных задач:

- Чтение (создать текст определённого уровня на определённую тему и подготовить задания к нему)

- Письмо (сформулировать темы для эссе, подобрать цитаты по заданной теме)

- Лексика (написать предложения с определённым вокабуляром на определённом уровне сложности, подобрать дефиниции для слов и выражений)
- Аудирование (подготовить скрипт видео/аудио, составить аннотацию к видео)
- Говорение (сформулировать темы для презентаций, составить вопросы для беседы по заданной теме, сгенерировать коммуникативную ситуацию с сообразным набором лексических единиц)
- Грамматика (составить предложения с пропусками/скобками на заданную грамматическую тему, написать предложения с ошибками, разработать варианты ответов множественного выбора (multiple choice)).

Менее типовыми и потому более творческими и интересными могут быть задания на формирование у студентов дискурсивных компетенций. Например, им может быть дано задание определить с помощью ИИ типы дискурсов, интегрированных в иноязычные тексты по специальности, поскольку в них нередко сочетаются маркеры, свойственные разным жанрам, регистрам и видам дискурсов (Габец, 2021). Осознание специфики такого явления, как интердискурсивность, умение не только выявлять характерные маркеры, но и самостоятельно формировать интердискурсивные и разножанровые тексты, несомненно, повышает аутентичность иноязычной речи обучаемых, и применение ИИ с этой целью можно рекомендовать как достаточно эффективный приём самостоятельной работы студентов.

Особого внимания заслуживает также умение выражаться лаконично и создавать так называемые тексты малых форматов. Сегодня наблюдается явно выраженная тенденция к сокращению объёмов коммуникативных произведений как письменной, так и устной речи (Малюга, Пономаренко, Минаева, 2020; Черкунова, Пономаренко, 2021). Наряду с некоторыми когнитивно-психологическими свойствами современной молодёжи эта тенденция подпитывается и заметно возросшей интенсивностью многих социальных и профессиональных явлений, что ведёт к потребности экономить время и усилия, в том числе в коммуникативных процессах. Отсюда и необходимость развивать способность формулировать мысли кратко, но ёмко, не принося в

жертву риторическую эффективность речи. В этом плане целесообразно прибегать к такому заданию, как составление аннотации к тексту с помощью ИИ (Nallapati, Zhou, Dos Santos, et al., 2016). Правда, на данный момент качество текстов-продуктов этого инструмента пока нельзя назвать высоким, но сам навык делать «выжимку» из материалов большого объёма можно достаточно активно развивать с помощью ИИ.

Проведённое анкетирование студентов подтвердило, что перечисленные выше и другие варианты использования чат-ботов не зря называют виртуальными помощниками (virtual assistants).

Отвечая на первый вопрос анкеты «*Как часто Вы используете возможности ИИ или приложения на основе ИИ в учёбе?*», участники исследования разделились на 4 группы, представленные на диаграмме ниже (рис.1). Большинство участников (21 % и 33 %) заявляют, что используют такие возможности один-два раза в неделю. Треть опрошенных указывают, что используют возможности ИИ очень редко, в то время как всего 10 % человек признаются, что используют их каждый день и даже несколько раз в день.

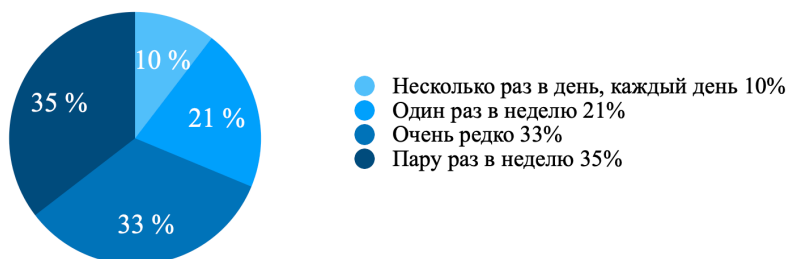

Рис.1. Частотность использования ИИ студентами ВУЗов

Благодаря пониманию, как работают приложения и сервисы на основе ИИ и как выглядят результаты их работы, мы с большой долей вероятности можем идентифицировать факты использования ИИ в работах студентов. Поэтому, на первый взгляд, кажется

удивительным, что ИИ активно используют только 10 % респондентов. Более того, при том, что почти половина всех участников, которые используют ИИ “очень редко” и “один раз в неделю”, испытуемые неплохо осведомлены и щедро поделились информацией о разнообразных инструментах на базе ИИ, которыми они пользуются. Вероятно, это связано с частотой получения заданий, с которыми может справиться ИИ. Однако полученный результат выглядит особенно противоречиво на фоне ответов на вопрос “*Видите ли Вы потенциальные проблемы или трудности, связанные с растущим использованием искусственного интеллекта для решения учебных задач?*”, представленных далее (рис. 2).

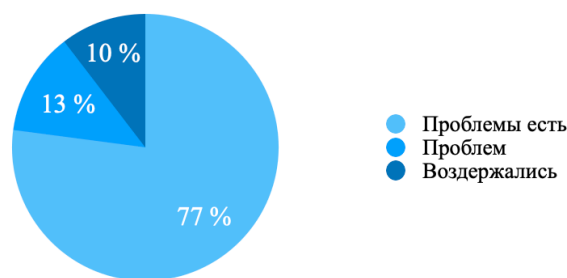

Рис.2. Частотность наличия проблем в использовании ИИ студентами ВУЗов

Хотя можно предположить, что так либо проявляется свидетельство осознанного использования ИИ, или существует значительная озабоченность относительно его растущего использования, поскольку большинство участников (77 %) предвидят потенциальные проблемы или трудности, связанные с растущим использованием искусственного интеллекта в образовании для учащихся. Однако также небольшое количество участников (13 %) не видят потенциальных проблем или трудностей в этой области. 10 % человек воздержались от ответа, предполагаем, что они еще не полностью разобрались и пока наблюдают и размышляют над ситуацией.

Ниже представлена визуальная репрезентация ответов на вопрос “Какие приложения на основе ИИ наиболее полезны в Вашей повседневной студенческой жизни?” (рис. 3).

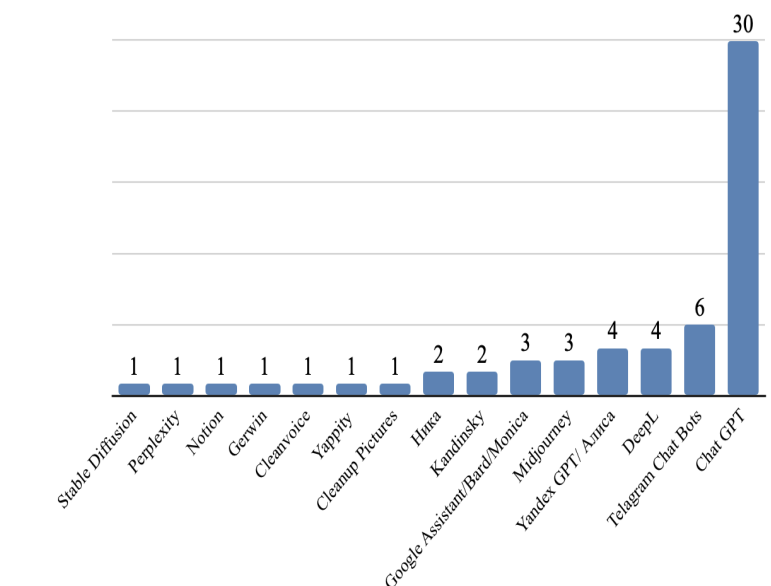

Рис.3. Популярные приложения на основе ИИ, используемые студентами ВУЗов

Рассмотрим возможности и специфику этого арсенала. Подавляющее большинство участников опроса (30 человек) указывают Chat GPT (Generative Pre-trained Transformer) как наиболее востребованный инструмент. Это чат-бот, обладающий генеративным искусственным интеллектом и способный работать в режиме диалога на разных естественных языках (Безуглый, Ершова, 2023; Adamopoulou, Moussiades, 2020; Congyao, Huang, Hew, 2020; Pang, Nol, Heng, 2024). Однако он может не только поддержать беседу или создать сценарий, но и выступать в качестве ассистента и в программировании, проанализировать код, найти в нем недоработки, а также перевести этот код из одного языка программирования в другой.

В преподавательской среде утвердилось мнение, что “Chatbots are agreed to be the most recent ingenious invention that provides valuable explanations for solving many of the problems of applying technology for supporting teaching and learning activities. This can be seen from how Chatbots create an interactive learning session, such as one-to-one interaction between the teacher and the students. ... Chatbot is perfect for allowing the students to comfortably participate in learning activities at their pace without feeling disturbed that they are being waited for by the instructor or their fellow students” (Algaithi, Behforouz, Isyaku, 2024, p. 210).

Версии Chat GPT постоянно обновляются и модернизируются, на данный момент он уже имеет доступ к интернет-страницам, без ограничений в отличие от более ранних версий.

Telegram Chat-боты это специальные каналы или аккаунты, которые выполняют команды пользователей: предоставляют исковую информацию или совершают требуемое действие, например, присылают документ вовремя или сортируют информацию по заданным критериям и т.д. Боты часто выполняют однообразную рутину, избавляя пользователей от обыденной механической работы. Подавляющее большинство Telegram Chat-ботов функционируют на основе Chat GPT (Adamopoulou, Moussiades, 2020).

YandexGPT работает по аналогии с языковой моделью GPT, он отвечает на вопросы пользователей и справляется с различными заданиями. Обещают, что языковой помощник может адаптироваться к потребностям пользователя и персонализировать ответы. Также он оснащен голосовым помощником по имени Алиса.

Как и предыдущие виртуальные ассистенты, продукты Google работают на технологии генеративной нейросети, сочетая её с поисковиком (Qin, Huang, New, 2020). Конечно, у каждой платформы свои особенности, но все продукты могут интегрироваться между собой, повышая продуктивность пользователя.

DeepL — это один из самых “интеллектуальных” инструментов для перевода, который использует нейронные сети для обеспечения максимально точного и естественно звучащего перевода. С данным инструментом можно работать совместно: выбирать более

лаконичный эквивалент, который программа сама встраивает в контекст, согласуя с другими членами предложения. DeepL составил серьезную конкуренцию Google Translate и Яндекс переводчику.

Среди предложенных ИИ инструментов есть и очень специфические, например, Telegram бот Ника, который был запущен для студентов магистерской программы «Отраслевой маркетинг товаров и услуг» силами ИМИП (Институт маркетинга и предпринимательства МГИМО МИД России) в марте 2022 года. Ника — это «Нейросетевой интеллектуальный компьютерный ассистент», который помогает студентам с решением сложных задач в формате переписки. Kandinsky, Midjourney, Stable Diffusion и Cleanup Pictures представляют плеяду инструментов для работы с изображениями и видео. Notion AI создаёт краткие описания и генерирует контент и позволяет тут же его редактировать: объединяет несколько приложений сразу. Gerwin пригодится копирайтерам: пишет по заданному формату (пост для соцсети, описание услуги или товара, броский заголовок, статья), переписывает и создаёт изображение по запросу.

В качестве вспомогательных инструментов для блоггеров часто используется исследовательская и диалоговая поисковая система Perplexity; она не создаст инфографики, но предоставит источники, не пренебрегая малоизвестными, позволит поделиться с другими пользователями с помощью ссылки и оценить результат работы.

В учебном процессе также прибегают к Yarrity – генератору вопросов и заданий к тексту.

По представленному выше обзору нетрудно догадаться, с какими “промптами” (от “prompt” запрос или инструкция) обращаются участники опроса к ИИ чаще всего; вот некоторые из них:

"Write [...]" with a list of requirements.
"Analyze [...] and draw a conclusion."
"Answer my question."
"Compose [...]"
"Explain [...]"
"Write a short abstract of [...]"
"Write a text on [...]"
"Simplify the text."
"Paraphrase [...]"
"Summarize [...]"
"Draw [...]"
"Create a logo/illustration for [...]"
"What are the pros and cons of [...]"
"Write a word cloud on a particular topic"
"Act like an Excel sheet"
"Fix/ enhance the sound."
"Generate an image for [...]"
"Act as a JavaScript console"
"Imagine you are [...] share your opinion about [...]"

Как можно заметить, это в основном аутсорсинг основных психических функций (восприятия, памяти, воли, внимания) и логические операции мышления (синтез, анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизация) для решения учебных задач. ИИ охватывает все логические формы высшей психической деятельности человека необходимые для академического успеха: представление, структурирование и преобразования знаний. Хотя, увы, в данном конкретном случае можно говорить не о знаниях, а лишь об информации.

ИИ может обрабатывать, оценивать и структурировать огромный объём данных, стратегически предоставлять наиболее подходящие и полезные источники, тем самым экономить огромное количество времени и сил пользователей. Поэтому среди ответов на вопрос *“Какие запросы Вы чаще всего используете при использовании ИИ?”* звучат и такие как: *“Использую ИИ, когда лень думать, хочется получить быстрый ответ без особых усилий”* или *“Чаще всего те задания, в которых нужно что-то подсчитать, знаний формул особо не хватает”*, *“Для выполнения домашних заданий”*. С одной стороны, в данных умозаключениях

присутствует результат работы критического мышления и понимание того, что пользователи прибегают к ИИ в случае своей некомпетентности, а с другой, вопрос, насколько сильно они зависят от этого инструмента, остается открытым. Однако встречаются ситуации и более осознанного подхода к использованию ИИ: “Использую для сбора информации и идей для дальнейшей разработки проблемной темы”.

Получить более точное представление о степени осознанности и беспокойства при использовании студентами ИИ помог вопрос “Какие опасения, если таковые имеются, вызывает у Вас растущая интеграция ИИ в студенческую жизнь?”. Результаты представлены ниже (рис. 4).

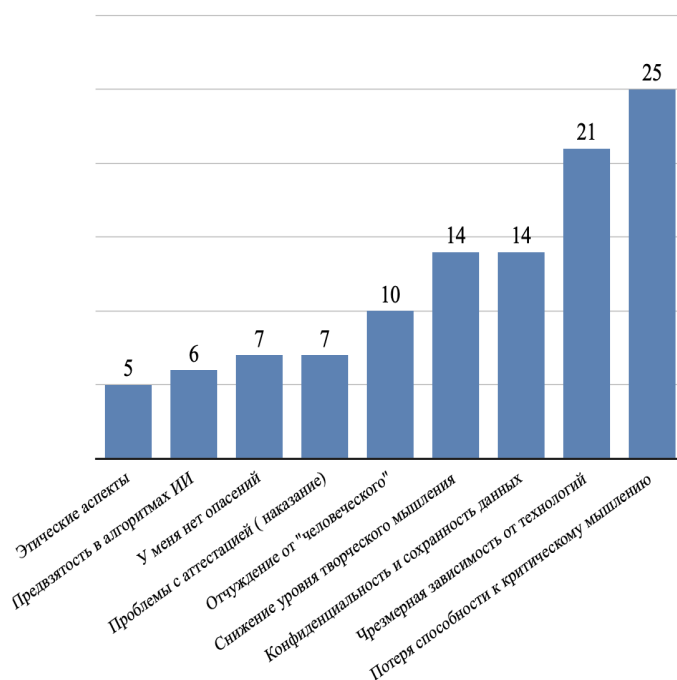

Рис.4. Опасения студентов ВУЗов в связи с внедрением ИИ

По полученным результатам можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, почти половина участников (21 человек)

выражают опасения относительно возможной чрезмерной зависимости от технологий, что указывает на значительную тревогу и признание проблемы; об общем понимании того, что ИИ может негативно отразиться на мыслительных способностях (25 человек), социальных связях (10 человек), самостоятельности и повлиять на статус в академической среде (7 человек).

Интересно, что потенциальное влияние ИИ на такие разные аспекты жизни и профессиональной деятельности как конфиденциальность и сохранность данных и снижение уровня творческого мышления, беспокоит участников исследования в равной степени (14 человек). В то время как этические аспекты использования ИИ в академической среде и предвзятость в алгоритмах ИИ вызывают наименьшие опасения среди участников.

Таким образом, можно заключить, что чрезмерная зависимость от технологий и потеря способности к критическому и творческому мышлению являются основными опасностями, связанными с использованием ИИ в учебной среде. Это подчеркивает важность обеспечения помощи учащимся в поиске баланса между использованием технологий и развитием функций мышления при интеграции ИИ в образовательный процесс.

В дополнение к доводам, которые приведены выше, респонденты выражают опасения связанные с отсутствием желания учиться, анализировать и принимать решения и, в итоге, с потерей этих навыков, что в перспективе ведёт к невозможности трудоустройства. Кстати, говорят, что ИИ учится лениться — таковы последние наблюдения, в том числе и по мнению участников опроса (Джабборов, 2023). Неоднократно упоминается предвзятость результатов работы ИИ и, соответственно, распространение данных, целостность которых нарушена предвзятостью исходной информации. Однако встречаются суждения типа “ИИ лучше внедрять только уже сформировавшимся студентам, которые осознанно к этому подходят и ищут что-то действительно полезное.”

Неоднократно повторяются тезисы о растущем социальном разрыве из-за неравного доступа к технологии (не все могут купить платную подписку на новую усовершенствованную версию) и сомнений в справедливости оценки: по мнению участников опроса, студенты, которые используют ИИ на базе обновлённых версий,

имеют более высокий академический рейтинг. Поэтому следующий вопрос, который мы рассмотрим, касается этических аспектов использования ИИ в учебном процессе.

Представленная ниже диаграмма (рис. 5) отображает основной градус настроений респондентов относительно вопросов этики использования ИИ в учёбе.

Рис.5. Мнение студентов ВУЗов об этичности использования ИИ в учебном процессе

Без малого 60 % принявших участие в опросе считают, что использование ИИ в учёбе вполне допустимо и не противоречит нормам нравственности и морали. Однако большинство пропонентов того, что использование ИИ этично, объясняют, как это должно выглядеть: “Этичное использование ИИ в образовательных целях — это когда вы не только взяли готовый результат, который выдал вам ИИ, но и поработали с полученными данными и дополнили их, то есть внесли свой вклад в итоговый результат”. Также респонденты добавляют, что “важно учитывать защиту личных данных студентов, справедливость и прозрачность в использовании ИИ” и что “анализ этических аспектов использования ИИ в учебном процессе должен стать обязательной

частью внедрения данной технологии в образовательные учреждения.”

Одну четверть составляют воздержавшиеся или не определившиеся (10 %) и те, кто придерживается нейтральной позиции (15 %). Такая позиция может объясняться тем, что ситуация не касается или не затрагивает личные интересы респондентов, либо они не считают её важной, можно также допустить, что причина в отсутствии желания размышлять над этим вопросом.

Чуть больше одной десятой респондентов (8 % и 3 %) сомневаются в том, что помощь нейросети в решении учебных задач допустима с позиции кодекса академической этики. Эту позицию прекрасно иллюстрирует мысль одного из респондентов: “У ИИ прослеживалось и стереотипное мышление (элементарно в сторону гендерного неравенства), что может сбить студентов с толку, потому что не все ещё имеют твёрдые установки в своей голове. Да и в целом при использовании ИИ нет ощущения, что выкладываешься на 100 % или используешь мозг на 100 %, развивается лень.”

Получается, что большинство участников опроса поддерживают использование ИИ в учёбе при условии соблюдения этических норм и защиты персональных данных. Однако существует сравнительно небольшая доля сомневающихся и участников, выбравших нейтральную позицию, которые могут не считать этот вопрос приоритетным или не видеть его связи с их личными интересами. Также важно отметить, что некоторые респонденты заявили о необходимости развивать культуру осознанного отношения к ИИ на новой ступени развития, которая требует внедрения новых подходов к образованию и, соответственно, к использованию ИИ в учебной деятельности.

В своём исследовании мы предложили участникам взглянуть на проблему и с другой стороны, а именно, определить какие потенциальные проблемы или трудности, связанные с растущим использованием ИИ в образовании, можно предвидеть для преподавателей. Какие именно сложности предвидят опрошенные, можно увидеть в следующем ниже графике (рис. 6).

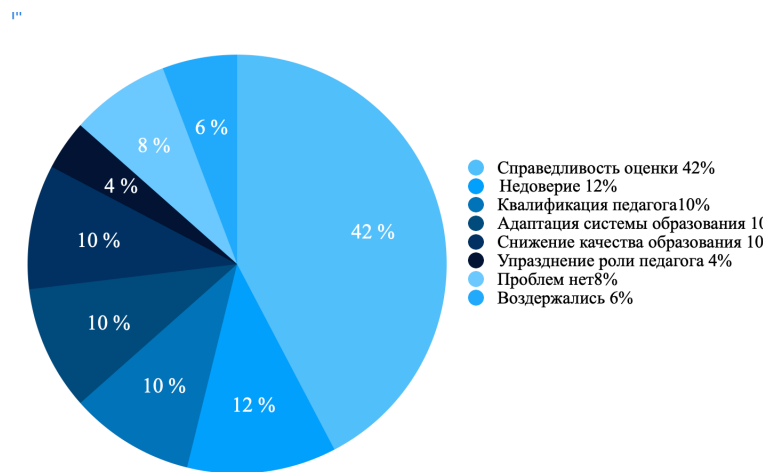

Рис.6. Мнение студентов ВУЗов о проблемах использования ИИ для преподавателей

С большим отрывом от остальных на первое место выходит проблема объективности оценки работы и достижений студентов, причём, помимо несправедливости, респонденты указывают на сложность выявления факта использования ИИ в письменных работах, в том числе длительность такой проверки и необходимость развития алгоритмов определения свидетельств использования ИИ. Второй по популярности выступает проблема отсутствия доверия и предубеждения относительно авторства работ студентов, что влечёт за собой снижение уровня вовлечённости в образовательный процесс как педагогов, так и, впоследствии, студентов. Зачастую преподавателю очевидно, что по уровню своих знаний студент не мог быть автором представленной им письменной работы (сочинения, перевода, реферирования) на английском языке, но возникает серьёзная трудность в доказательстве этого факта.

Справиться с этой трудностью могут помочь несколько “умных” сайтов, которые обучены распознавать текст, созданный ИИ. Приведем в пример один из таких: GPTZero поможет определить степень участия ИИ в написании текста, указав процент “human”, “mixed” или “AI” авторства. Этот сервис обучался на сравнении

текстов, написанных человеком и созданных ИИ и в основном опирается на следующие принципы [Мартынов, 2023]:

1. Распределение случайности (от англ. burstiness - неравномерность, спорадическое, скачкообразное движение): чем менее предсказуемо появление элемента в предложении, чем больше разнится длина предложений, тем выше вероятность написания текста человеком.

2. Степень предсказуемости или степень неопределенности вероятностной модели (от англ. perplexity - запутанность, переплетённость) - чем частотнее использование той или иной языковой единицы в словосочетании, тем выше вероятность того, что текст написан машиной.

Также стоит помнить, что нейросеть несовершенна и существует ряд языковых и стилистических “несовершенств”, которые легко заметить при более внимательном прочтении текста. ИИ часто безэмоционален и индифферентен. ИИ четко структурирует и категоризирует информацию, использует опыт миллионов пользователей, поэтому текст, написанный нейросетью, звучит “отстранённо” и шаблонно, без юмора, но убедительно.

Структура сочинения, подготовленного ИИ, всегда очень прозрачна: вступление, задающее общий контекст, основная часть из нескольких абзацев (связь абзацев между собой не очень лаконична, но по отдельности они все связаны с темой) и очень предсказуемый вывод. Если же текст очень длинный, то могут встретиться повторы, противоречия и несоответствия, так как нейросеть работает с большим объёмом данных и на каждом круге повторения алгоритма может повторять себя или же, предсказывая следующий элемент высказывания по принципу частотности использования, может прийти к совершенно неуместному заключению.

На сегодняшний день инструменты ИИ достигли такого уровня развития, что практически не допускают ошибок в правописании, грамматике и пунктуации (хотя с точки зрения стилистического уровня «продукты» ИИ небезупречны [Безуглый, Ершова 2023]), ему чужды опечатки, сокращения, сленг и средства художественной выразительности.

Следующие три равнозначных по количеству (10 %) упоминания стоящих перед преподавателями потенциальных проблем,

обусловленных ростом популярности ИИ среди студентов, также выявляют их взаимосвязь между собой: нехватка компетенций и понимания алгоритмов работы нейросети для успешной интеграции технологии в учебный процесс, что может потребовать дополнительного обучения и профессиональной (пере)подготовки. В дальнейшем усматривается угроза профессиональной роли преподавателя в целом, поскольку некоторые задачи могут быть оптимизированы и автоматизированы, что может повлиять на роль и функциональные задачи педагогов, вплоть до упразднения их функций. Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что с потенциальной потерей доверия педагога к аутентичности работ студентов, снижением эмоциональной вовлечённости преподавателя ввиду высокой сложности выстраивания взаимоотношений с учащимися, постоянной необходимостью трудиться над повышением квалификации, а также конкурировать с ИИ по результативности работы существует большой риск профессионального выгорания и, как следствие, снижение качества образования.

Тем не менее 8 % опрошенных не видят потенциальных сложностей, а 6 % всё еще не определились, поэтому предпочли никак не комментировать данный вопрос.

Заключение

Итак, проанализировав полученные данные, можно прийти к следующим выводам. Интеграция ИИ в систему образования неизбежна и несёт определённые сложности для всех участников образовательного процесса. Для студентов сложности связаны с умением правильно составить запрос и вдумчиво обработать полученную информацию, постараться отделить истинную от ложной, проанализировать и сделать самостоятельные выводы. Для этого важно научиться соблюдать баланс между самостоятельной осознанной работой и работой с ИИ, а также всегда помнить, что можно впасть в зависимость от легких решений. Отсутствие доверия со стороны педагогов и вездесущее присутствие ИИ в окружающем мире также не способствуют мотивации идти по более сложному, “правильному” пути развития. Также отрицательно на мотивации сказывается факт неравных возможностей: какой смысл пытаться создать что-то самостоятельно с нуля, когда по платной подписке одноклассники

получат результат приемлемого или даже высокого качества и к тому же сэкономят своё время, смогут потратить силы на что-то более занимательное.

Для преподавателей же на данный момент ИИ ставит ряд задач, связанных с необходимостью разработки системы установления подлинности авторства и оценки работ, адаптацией привычной модели аудиторной работы, помощью и обучением рациональному использованию ИИ, а также эффективной мотивацией студентов. Как вариант решения проблемы “справедливости оценки” результатов самостоятельной работы студентов мы предлагаем посвящать значительную часть аудиторных занятий устным опросам, включая подготовленные и спонтанные устные презентации, используя модель процесса реального общения с целью решения коммуникативных задач. Система опросов, в которой превалирует устная форма ответа, безусловно, способна повысить коэффициент полезного действия ИИ и обеспечить прозрачность системы оценки.

Следующая задача – правильная мотивация. Парадигму учебной мотивации студентов старших курсов можно описать следующим образом: актуальная и интересная информация, которая удовлетворяет их утилитарно-прагматическим целям, а также авторитет и личность педагога-наставника, который неизменно повышает свою квалификацию, имеет реальную практику и следит за текущими трендами. Личный пример педагога, как правило, имеет очень большое значение, когда речь идет о положительной академической мотивации (Герасимова, [http](http://); Зык, 2023; Schmulian, Coetzee, 2019).

Также чётко вырисовывается задача научить разумно пользоваться благами современных технологий. Здесь мы предлагаем обратиться к методу разбора реальных ситуаций с использованием ИИ. С помощью конкретных кейсов, которые отражают как достоинства, так и несовершенства системы, можно продемонстрировать как нейросеть справляется с поставленными задачами, какие сложности могут возникнуть и как с ними справиться, это позволит сделать весомый акцент на важности и необходимости самостоятельной обработки используемых материалов.

И, наконец, всё более актуальным (уже на мировом уровне) становится вопрос разумных законодательных мер в отношении внедрения искусственного интеллекта во все сферы жизни общества, включая образование, поскольку в этом процессе необходимо проявлять определённую осторожность, чтобы не оказаться перед лицом опасных последствий безудержного распространения ИИ. Как отмечают правоведы, “специализированное правовое регулирование искусственного интеллекта в настоящий момент находится все еще на стадии формирования” (Зык, 2023, с. 301).

Искусственный интеллект может стать незаменимым помощником в любой области человеческого знания, однако лучшего, более быстрого и изобретательного “компьютера” с бесконечным творческим потенциалом, чем наш собственный мозг, найти не так просто.

Литература

1. Безуглый Т.А., Ершова М.Е. Использование текстовых нейросетей и искусственного интеллекта в учебных работах студентов // Проблемы современного образования. – 2023. – № 5. – С. 206–216. doi: 10.31862/2218-8711-2023-5-206-216
2. Габец А.А. Интердискурсивность как ингерентное свойство институционального дискурса (на примере образовательного дискурса) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 107–113. doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-107-113>.
3. Гаврилова А. С., Джурко А. А. Чат-боты на базе искусственного интеллекта для поддержки студентов // Дистанционные образовательные технологии. Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции. Симферополь: Ариал, 2023. – С. 144-146.
4. Герасимова, А. С. Теория учебной мотивации в отечественной психологии. – Текст : электронный // Институт психологии РАН (1998-2020) : [сайт]. – URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_2_p/gerasimova.html (дата обращения: 28.08.2024).
5. Джабборов Д. Нейросеть ChatGPT начала лениться и работать медленнее. – Текст : электронный // Газета.ru : [сайт]. –

- 09.12.2023 – URL:
<https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/12/09/21889261.shtml>
(дата обращения: 28.08.2024).
6. Зык А. В. Роль искусственного интеллекта в образовательной деятельности // Образование и право. – 2023. – №. 3. – С. 300-303.
 7. Малахова В.Л. Использование интерактивных технологий при обучении иностранным языкам как необходимый фактор образовательного процесса // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2014. – № 2(2). – С. 41-43.
 8. Малюга Е.Н., Пономаренко Е.В., Минаева А.А. Стилистические приёмы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на материале англоязычных экономико-политических медиаресурсов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 82-87. doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87>
 9. Мартынов А. Как использовать GPTZero – инструмент для поиска текста, созданного ChatGPT. – Текст : электронный // lifehacker.ru : [сайт]. – 13.03.2023. URL: <https://lifehacker.ru/gptzero/> (дата обращения: 08.07.2024).
 10. Румянцева О. А. Применение чат-ботов в образовательном процессе // Молодой ученый. – 2022. – №. 47 (6). – С. 442-426.
 11. Черкунова М.В., Пономаренко Е.В. Малоформатные произведения сетевой литературы в контексте современной англоязычной цифровой коммуникации: системно-динамический подход // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 168-175. – URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/9937> . doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-168-175>.
 12. Adamopoulou E., Moussiades L. Chatbots: History, technology, and applications // Machine Learning with Applications. – 2020. – No. 2: 100006. – 21 p. doi: <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
 13. Algaithi A., Behforouz B., Isyaku H. The effect of using WhatsApp bot on English vocabulary learning // Turkish Online Journal of

Distance Education – TOJDE. – 2024. – N 25(2). – Pp. 208-227.
doi: 10.17718/tojde.1297285

14. Congyao Q., Huang W., Hew K. Using the Community of Inquiry framework to develop an educational chatbot: lesson learned from a mobile instant messaging learning environment / So, H. J. et al. (Eds.) // *Proceedings of the 28th International Conference on Computers in Education. Asia-Pacific Society for Computers in Education*. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/362529506_Using_the_Community_of_Inquiry_framework_to_develop_an_educational_chatbot_lesson_learned_from_a_mobile_instant_messaging_learning_environment (accessed: 15.07.2024).
15. Dhyani M., Kumar R. An intelligent Chatbot using deep learning with Bidirectional RNN and attention model // *Materials Today: Proceedings*. – 2021. – № 34 (3). – Pp. 817-824. doi: <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2020.05.450>
16. Hung P.B., Raghvendra K., Nilayam K.K. (eds). *Innovations and Applications of Technology in Language Education*. New York: Auerbach Publications, 2024. – 228 p.
17. Kung T.H, Cheatham M., Medenilla A., Sillos C., De Leon L., Elepaño C., et al. Performance of ChatGPT on USMLE: Potential for AI-assisted medical education using large language models // *PLOS Digit Health*. – 2023. – 2(2): e0000198. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pdig.0000198>
18. Nallapati R., Zhou B., Dos Santos C., Gulcehre C., Xiang B. Abstractive text summarization using sequence-to-sequence RNNs and beyond // *Proceedings of the 20th SIGNLL Conference on Computational Natural Language Learning (CoNLL)*. – 2016. – Pp. 280-290. doi: 10.18653/v1/K16-1028
19. Pang S., Nol E., Heng K. ChatGPT-4o for English language teaching and learning: Features, applications, and future prospects / Hung, P.B., Raghvendra, K., Nilayam, K.K. (eds.) // *Innovations and Applications of Technology in Language Education*. New York: Auerbach Publications. – Pp. 97-112. – 2024. doi: 10.13140/RG.2.2.13172.36481
20. Schmulian A., Coetzee S. The development of Messenger bots for teaching and learning and accounting students' experience of the

use thereof // British Journal of Educational Technology. – Vol. 50(5). – 2019. – Pp. 2751–2777. doi:10.1111/bjet.12723

References

- Adamopoulou, E., & Moussiades, L. (2020). Chatbots: History, technology, and applications. *Machine Learning with Applications*, 2: 100006. doi: <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Algaithi, A., Behforouz, B., & Isyaku, H. (2024). The effect of using WhatsApp bot on English vocabulary learning. *Turkish Online Journal of Distance Education – TOJDE*, 25(2), 208-227. doi: 10.17718/tojde.1297285
- Bezugly, T.A., & Ershova, M.E. (2023). The use of text neural networks and artificial intelligence in students' academic papers. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]*, 5, 206–216. doi: 10.31862/2218-8711-2023-5-206-216
- Cherkunova, M.V., & Ponomarenko, E.V. (2021). Mini-texts of English web literature in the context of contemporary digital discourse: a system-dynamic approach. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]*, 27(4), 168-175. doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-168-175>
- Congyao, Q., Huang, W., & Hew, K. (2020). Using the Community of Inquiry framework to develop an educational chatbot: lesson learned from a mobile instant messaging learning environment. In So, H. J. et al. (Eds.), *Proceedings of the 28th International Conference on Computers in Education. Asia-Pacific Society for Computers in Education*. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/362529506_Using_the_Community_of_Inquiry_framework_to_develop_an_educational_chatbot_lesson_learned_from_a_mobile_instant_messaging_learning_environment (accessed: 15.07.2024).
- Dhyani, M., & Kumar, R. (2021). An intelligent Chatbot using deep learning with Bidirectional RNN and attention model. *Materials Today: Proceedings*, 34 (3), 817-824. doi: <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2020.05.450>
- Dzhabborov, D. (2023). Neyroset' ChatGPT nachala lenit'sya i rabotat' medlennee [The ChatGPT neural network started to slacken and work slower] [Electronic resource]. *Gazeta.ru: [website]*.

- 09.12.2023. Retrieved from:
<https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/12/09/21889261.shtml>
 (accessed: 28.08.2024).
- Gabets, A.A. (2021). Interdiscourse as inherent characteristic of institutional discourse (on the example of educational discourse). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]*, 27(4), 107–113. doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-107-113>
- Gavrilova, A.S., & Dzhurko, A.A. (2023). Chat-boty na baze iskusstvennogo intellekta dlya podderzhki studentov [Chatbots based on Artificial Intelligence for student support]. In *Distantcionnye obrazovatelnye tekhnologii. Sbornik trudov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Distance educational technologies. Proceedings of VIII scientific and practical conference]* (pp. 144-146). Simferopol': Arial.
- Gerassimova, A.S. Teoriya uchebnoy motivatsii v otechestvennoy psikhologii [Theory of learning motivation in domestic psychology] [Electronic resource]. *Institute of Psychology RAS (1998 - 2020): [website]*. Retrieved from:
http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_2_p/gerasimova.html (accessed: 28.08.2024).
- Hung, P.B., Raghvendra, K., & Nilayam, K.K. (eds). (2024). *Innovations and Applications of Technology in Language Education*. New York: Auerbach Publications.
- Kung, T.H, Cheatham, M., Medenilla, A., Sillos, C., De Leon, L., & Elepaño, C., et al. (2023). Performance of ChatGPT on USMLE: Potential for AI-assisted medical education using large language models. *PLOS Digit Health*, 2(2), e0000198. <https://doi.org/10.1371/journal.pdig.0000198>
- Malakhova, V.L. (2014). Ispol'zovanie interaktivnyh tekhnologij pri obuchenii inostrannym jazykam kak neobhodimyj faktor obrazovatel'nogo processa [The use of interactive techniques in teaching foreign languages as a necessary factor of the educational process]. *Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2 (2), 41-43.

- Malyuga E.N., Ponomarenko E.V., & Minayeva A.A. (2020). Stylistic devices as means of forming discursive features of advertising minitexts (exemplified by English economic and political media sources). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 26(4), 82–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87>
- Martynov, A. (2023). Kak ispol'zovat' GPTZero – instrument dlya poiska teksta, sozdannogo ChatGPT [How to use GPTZero – a tool for finding text created by ChatGPT] [Electronic resource]. lifehacker.ru: [website]. Retrieved from: <https://lifehacker.ru/gptzero/> (accessed: 08.07.2024).
- Nallapati, R., Zhou, B., Dos Santos, C., Gulcehre, C., & Xiang, B. (2016). Abstractive text summarization using sequence-to-sequence RNNs and beyond. In *Proceedings of the 20th SIGNLL Conference on Computational Natural Language Learning (CoNLL)* (pp. 280-290). doi: 10.18653/v1/K16-1028
- Pang, S., Nol, E., & Heng, K. (2024). ChatGPT-4o for English language teaching and learning: Features, applications, and future prospects. In Hung, P.B., Raghvendra, K., & Nilayam, K.K. (Eds.) *Innovations and Applications of Technology in Language Education*. New York: Auerbach Publications (pp. 97-112). doi: 10.13140/RG.2.2.13172.36481
- Rumyantseva, O.A. (2022). Primenenie chat-botov v obrazovatel'nom protsesse [The use of chatbots in the educational process]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 47(6), 442-446.
- Schmulian, A., & Coetzee, S. (2019). The development of Messenger bots for teaching and learning and accounting students' experience of the use thereof. *British Journal of Educational Technology*, 50(5), 2751–2777. doi:10.1111/bjet.12723
- Zyk, A.V. (2023). Rol 'iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'noy deyatel'nosti [The role of Artificial Intelligence in educational activities]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 3, 300-303.